

Дарья Донцова

Мопинг В. ВОЗДУШНОМ ЗАМКЕ

Составные ведет Анастасия
Евлампия Романова

Великолепная
восьмерка

от Дарьи Донцовой

**НУЖНО
СОБРАТЬ
САМОМУ!**

Дарья Донцова
Шопинг в воздушном замке
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 25

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171771
Д.Донцова Шопинг в воздушном замке: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31309-9*

Аннотация

Наше детективное агентство набирает обороты! Нельзя, конечно, сказать, что клиент идет косяком, но без дела ни я, Евлампия Романова, – можно просто Лампа, – ни моя коллега Нина Косарь, бывшая некогда милицейским следователем, не сидим. Только вот опять мне роль приходится играть – на сей раз домработницы в доме старичка-ученого. Ох, ну и квартира у него! Мало того что набита разными раритетами, так еще кругом одни тайники, секретные ходы, глазки для подслушивания-подглядывания... Право, в подобных условиях просто невозможно работать! Вот и не выполнила я свою задачу – знала, что кто-то будет покушаться на девушку Веру, а ее все-таки убили. И жену нашего клиента тоже! Ничего, разберемся, где наша не пропадала...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	64
Глава 6	76
Глава 7	91
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Дарья Донцова

Шопинг в воздушном замке

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В 2008 году я снова приготовила для вас сюрприз. Какой? Сейчас расскажу.

На корешке каждой моей книги, начиная с книги «Стриптиз Жар-птицы» и заканчивая твердой новинкой октября, вы найдете букву. Если к концу года вы соберете все восемь книг, то из букв на корешках сможете составить:

Д.	Д	О	Н	Ц	О	В	А
----	---	---	---	---	---	---	---

Каждый, кто станет обладателем Великолепной восьмерки книг, получит приз – сборник моих рассказов в эксклюзивном издании (такого не будет ни у кого, кроме вас). А самых удачливых определит Фортуна. Восьмерых счастливичков ждут ценные призы.

Участвуйте и побеждайте! Всего вам
ВЕЛИКОЛЕПНОГО!

С любовью – Дарья Донцова

«ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВОСЬМЕРКА ОТ ДАРЬИ ДОНЦОВОЙ»

ДЛЯ УЧАСТИЯ В АКЦИИ НЕОБХОДИМО:

1. Купить все 8 новых романов Дарьи Донцовой в твердом переплете. Первая книга выйдет в марте 2008 года, восьмая книга выйдет в октябре 2008 года.

2. Собрать все книги таким образом, чтобы на корешках составленных вместе книг читалось «Д. ДОНЦОВА».

3. Сфотографироваться на фоне книг, корешки которых, составленные вместе, образуют надпись «Д. ДОНЦОВА».

4. Вырезать из каждой из 8 книг уголок с буквой, расположенный в конце книги.

5. Взять чистый лист бумаги и печатными буквами разборчиво написать: ФИО, контактный телефон, возраст, точный адрес с индексом.

6. Вашу фотографию с книгами и 8 вырезанных уголков, а также лист с вашими данными (из п. 5) вложить в конверт и отправить на 109456, а/я «Дарья Донцова» с пометкой «Великолепная восьмерка от Дарьи Донцовой».

НЕОБХОДИМЫЕ АДРЕСА, ПАРОЛИ, ЯВКИ:

1. В акции участвуют 8 новых романов Дарьи Донцовой в твердом переплете, вышедшие в 2008 году

в серии «Иронический детектив» в следующие месяцы: март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь и октябрь.

2. Сроки акции: 15.03.08 – 14.03.09.

3. Ваше письмо должно быть отправлено по почте до 15.01.09.

4. Адрес для отправки писем: 109456, а/я «Дарья Донцова».

5. Телефон «горячей» линии, по которому можно задать ваши вопросы: (495) 642-32-88. Линия будет функционировать с 1 апреля по 1 мая 2008 года и с 20 октября 2008 года по 14 марта 2009 года.

6. Условия акции, обновления, свежие данные и т.п. ищите на сайтах: www.dontsova.ru, www.eksmo.ru.

7. Восьмерых победителей мы назовем 20.02.09 на сайтах www.dontsova.ru и www.eksmo.ru. Имена счастливиц также будут опубликованы в книге Дарьи Донцовой и в газете «Жизнь». Помимо этого, мы известим выигравших восемь ценных призов по указанным контактными телефонам.

8. Призы будут отправлены до 14.03.09.

А ТЕПЕРЬ О САМОМ ГЛАВНОМ – О ПРИЗАХ:

1. Гарантированный приз – сборник рассказов Дарьи Донцовой в эксклюзивном издании – получает каждый участник, выполнивший все (!) условия, указанные выше в разделе «Для участия в акции необходимо».

2. 8 призов – 8 сертификатов магазинов бытовой техники и электроники на сумму 15 000 рублей каждый – получают 8 (восемь) человек, которые выполнили все

(!) условия, указанные выше в разделе «Для участия в акции необходимо», и чьи письма вытащит из барабана Дарья Донцова.

НЕОБХОДИМЫЙ P.S.:

Восьмерых счастливчиков, которые окажутся победителями, узнает вся страна!

Ваши фото с любимыми книгами будут напечатаны на форзаце одной из книг Дарьи Донцовой в 2009 году.

Вам есть за что побороться! Участвуйте в акции «Великолепная восьмерка», собирайте библиотеку любимых книг, получайте призы, и пусть у вас всегда будет много поводов для хорошего настроения!

С уважением, издательство «Эксмо»

Глава 1

Чем больше спишь, тем меньше высыпaeшьcя.

Я ощутила странный запах – то ли сырой земли, то ли мокрой травы, удивилась сквозь сон, чихнула и открыла глаза. Взгляд наткнулся на цветы, веером уложенные на моей груди. Сначала я удивилась и решила, что все еще нахожусь в объятиях Морфея, потом попыталась пошевелить ногой, но не смогла и притихла. В комнате царит холодный полумрак, мое тело, накрытое шелковым покрывалом, отказывается мне повиноваться, руки аккуратно сложены на груди, и повсюду, куда ни кинь взгляд, разбросаны бордовые розы. Я умерла! Едва эта ужасная мысль посетила мою голову, как я заорала:

– Помогите, убивают!

Послышались шум, сопение. Ноги будто освободились от оков, я села и перевела дух. Так, я в своей спальне, в новом доме в Мопсине, куда мы не так давно переехали всей семьей. Коттедж еще даже не обставлен до конца. Вчера я купила новые занавески, а к ним в придачу в магазине дали покрывало. Вообще говоря, я планировала украсить этим комплектом комнату Лизы, но она, увидев чудесные розовые гардины, возмутилась:

– Да ты что, Лампа! Я, по-твоему, придурочная Барби?

– При чем тут Барби? Посмотри, какие симпатичные што-

ры, – попыталась я уговорить капризницу.

– Ни за что! – отрезала Лизавета. – Скорее умру, чем поселюсь в комнате, оформленной, как гробик для кролика.

Я тяжело вздохнула и отправилась к Кирюшке.

– Милый, – заворковала я, – ты утром очень рано просыпаешься.

– Конечно. А все потому, что солнце бьет прямо в глаза, – тут же попался на крючок подросток. – Когда мы наконец купим жалюзи?

– Я как раз отхватила великолепные занавески. Давай повесим? – заискивающе заулыбалась я. – Кстати, к ним предлагается весьма симпатичный... э... плед. Тебе понравится.

– Супер! – оживился Кирюша.

– Иди, попей чаю, а я тут все устрою, – коварно предложила я.

– Нет, – заартачился Кирилл, – тебе лучше на стремянку не лазить, я сам. Где шторы?

Делать нечего, пришлось показать приобретение.

– Ты собралась водрузить ЭТО на мои окошки? – в ужасе осведомился мальчик. – Только через мой труп! Никогда! Вдруг ко мне гости придут? Хуже той жути, которую ты приволокла, только майка с человеком-пауком, купленная кем-то в припадке маразма в августе.

Мне стало обидно:

– Футболку купила я, на распродаже!

– Правда? – округлил глаза Кирюша. – Совсем забыл. Но

все равно, лучше смерть, чем розовые тряпки в моей комнате.

Прижав к груди пакет с покупками, я потрусила в спальню Юлечки и Сережки и с разочарованием поняла: у них слишком большие окна. По той же причине гардины не удалось пристроить ни в Вовкиной комнате, ни в Катюшиной. Оставалось только украсить собственную норку. Если честно, я не люблю цвет молочного поросенка, больного краснухой, предпочитаю бежево-персиковую гамму, но не выбрасывать же комплект!

Весь вчерашний вечер я пришивала колечки, а потом, балансируя на стремянке, цепляла их при помощи «крокодильчиков» к карнизу. Процесс затянулся за полночь, я устала и поленилась полностью расстелить постель, просто заползла под новое шелковое покрывало и мирно заснула, а в спальню проник холод из распахнутого окна – на улице сентябрь, днем вроде тепло, но ночью столбик термометра стремительно опускается. Пошевелиться же я сейчас не могла из-за мопсов, которые устроились спать рядышком. Если в вашем доме есть собака, которая беззастенчиво дрыхнет в хозяйской постели, то вы знаете, каким тяжелым становится даже крохотная чихуа-хуа, когда она сладко похрапывает. Муля, Феня, Капа и Ада сдавили меня, несчастную, со всех сторон!

Ну и что должен подумать разумный человек, очнувшись недвижимым в холодном помещении, накрытый скользким шелковым покрывалом, да еще заваленный свежесрезанны-

ми розами? У вас есть варианты? У меня нашелся только один.

Я сбросила розы и потрясла головой. Откуда в моей спальне цветы?

Дверь скрипнула, в щель влезла голова Лизы.

– Ты чего кричишь?

– Чуть с ума не сошла от ужаса, – призналась я. – Очнулась, заваленная венками, и подумала, что умерла и лежу в гробу.

– С тобой невозможно иметь дело! – неожиданно разозлилась девочка. – Тут живые цветы, а не искусственные венки. Не пихайся, поосторожней!

Последние слова относились к Кирюше, который бесцеремонно втолкнул ее в мою спальню, вошел следом и радостно спросил:

– Лампе понравилось?

– Нет, – сердито ответила Лиза. – Она решила, что ее хоронить собрались.

– Так это ваша работа! – осенило меня. – Ну спасибо!

– Пожалуйста, – фыркнула Елизавета и убежала.

– Что за идея пришла вам в голову? – накинулась я на Кирюшу. – Я чуть инфаркт не заработала, посчитав себя покойницей!

Кира нахмурился, молча пошел к двери, обернулся и сказал:

– Знаешь, Лампа, ты странный человек. Сначала жалу-

ешься на отсутствие романтики и внимания с нашей стороны, а когда мы о тебе заботимся, выражаешь недовольство.

– Я не просила засыпать себя розами! – стала оправдываться я. – Если вы хотели подарить мне цветы, отчего не преподнесли их в виде обычного букета?

– Послушай, – заворчал Кирюша, – у тебя беда с памятью. Мы в понедельник вечером вместе смотрели кино... Припоминаешь?

Я кивнула. Действительно, в понедельник после программы «Время» я легла в своей комнате и мирно читала журнал. Спокойный отдых был прерван появлением детей, которые стали настойчиво звать меня посмотреть новый фильм. Я не большая любительница продукции Голливуда, но обижать ребят не хотелось, поэтому поплелась в гостиную, плюхнулась в кресло и уставилась в экран. Актеры стреляли, спасали Америку от террористов, а я думала о своем.

– Тебе так захотелось цветов! – продолжал Кирюша.

– Мне? – поразилась я.

– Ну да, – кивнул он. – В самом конце фильма главная героиня просыпается в кровати, вся заваленная орхидеями. Мы с Лизкой заржали, а ты пробормотала: «Ничего вы не понимаете. Это же великолепно, когда встречается мужчина, готовый на столь романтический поступок».

Я еще больше изумилась.

– Я так сказала?

– Угу, – буркнул Кирилл, – потом тяжело вздохнула, вста-

ла и ушла. Тогда мы с Лизаветой решили сделать тебе сюрприз. И что вышло?

– Огромное спасибо! – опомнилась я. – Шикарно получилось! Неожиданно!

– На орхидеи у нас бабла не хватило, – помрачнел Кирюша, – а вот розы мы раздобыли.

– Где? – спросила я.

– Неважно, – фыркнул Кирилл. – Хотели тебя порадовать, а получилась фигня. Ну покедова...

Я почувствовала себя виноватой. Надо постараться исправить ситуацию. Нет бы мне сообразить, что, лежа в гробу, человек ничего не способен увидеть!

На тумбочке запрыгал мобильный, я схватила трубку и услышала звонкий голос Нины Косарь.

– Уже выехала?

– Да-да, – моментально соврала я, – стою в пробке, на шоссе мост чинят...

– Не лги, – осадила меня подруга, – ты сидишь дома.

– И как ты догадалась? – поразилась я.

Нина рассмеялась.

– В автомобиле ты включаешь радио с ужасными попсовыми песенками, так что, если ты за рулем, из трубки фоном доносится: «Ля-ля-ля, любовь, кровь, улетаю к звездам». А сейчас я слышу лай. Только не говори, что прихватила с собой на работу Мулю или Рамика в качестве служебной собаки.

– Извини, – пробормотала я, – одеваюсь.

– Поторопись! – велела Нина. – Надеюсь, сумку ты собрала с вечера.

Я сунула сотовый в карман пижамы и побежала умыться.

О том, как мы с Ниной познакомились, подружились и основали детективное агентство, рассказывать не стану. За довольно короткий срок нам с Косарь удалось с успехом справиться с несколькими непростыми делами, и мы прилично заработали. Обычно говорят, что у дурной славы быстрые ноги, но и у хорошей они оказались резвыми – к нам косяком пошли клиенты, и мы уже подумываем о расширении агентства, найме новых служащих. Похоже, скоро вытесним с рынка фирму «Пинкертон».

Пару дней назад к нам в офис пришел симпатичный мужчина и рассказал странную историю.

– Меня зовут Григорий Ефимович Селезнев, – представился он, мило улыбаясь. – Работаю в фирме «Орсен»¹, карьеры не сделал, но жизнью вполне доволен. Предприятие принадлежит моему лучшему другу и однокласснику Павлу Брыкину, он платит мне большие деньги. Даже, пожалуй, слишком большие, учитывая, что круг моих обязанностей весьма ограничен. Понимаете?

¹ Здесь и далее: все названия фирм, брендов, лекарств, периодических изданий, банков, медицинских учреждений, магазинов выдуманы автором, любые совпадения случайны.

– Пока нет, – резко ответила Нина.

Посетитель смутился.

– Да, верно, я не с того начал. Моя любимая жена Клара всегда говорит: «Гриша, ты у меня далеко не птица Говорун, не умеешь складно излагать факты». Моя любимая Клара удивительная женщина, во всем мне помогает. Моя жена Клара потрясающе готовит. А еще моя любимая жена Клара...

– Вы подозреваете свою любимую жену Клару в измене? – перебила хвалебную оду Косарь.

Нина долгие годы работала следователем в районном отделении милиции, поэтому частенько по привычке ошарашивает собеседника конкретными вопросами. Она отличный сыщик и преданная подруга, но дипломат из нее – как из меня епископ. Сколько раз я пыталась ей объяснить, что так нельзя! Убеждала:

– Клиенты платят нам немалые деньги, они хотят получить в ответ участие.

Но Косарь, спокойно меня выслушав, отвечает:

– Тогда им нужно идти к психотерапевту. Если человек хочет собрать компромат на супругу или прищучить вороватого сотрудника, не фигу от нас поцелуев ждать. Изложи факты, отстегни рубли и жди ответы на вопросы!

Мне остается лишь разводиться руками и пытаться сгладить резкость коллеги. Вот и сейчас я напряглась, а потом стала сладко улыбаться посетителю.

Григорий Ефимович, услышав вопрос Нины, осекся и ошарашенно спросил:

– В неверности? Мою любимую жену Клару? Но кому она могла изменить?

– Надеюсь, не Родине, – вздохнула Нина. – В этом случае мы ничем помочь не сможем, а вот если речь идет об обманутом супруге...

– Минуточку! – выкатил глаза Григорий Ефимович. – Но у моей любимой жены только один муж – я!

– Очень хорошо, что вы существуете в единственном экземпляре, – не удержалась от ехидного выпада Нина, которой новый клиент явно не нравился.

Еще одна беда Косарь состоит в ее зависимости от первого мнения, составленного о человеке. Если оно отрицательное, ей хоть кол на голове теши, Нина его не изменит, даже узнав о нем массу хорошего.

– Вы намекаете, что моя жена Клара мне неверна? – покраснел Селезнев.

– Уважаемый Григорий Ефимович, – залебезила я, пытаюсь исправить ситуацию, – нам пока не совсем ясно, в чем ваша проблема.

– Зовите меня просто Гришей, – оттаял Селезнев. – Я и пытаюсь ее изложить, но как умею. Я, к сожалению, несколько косноязычен, а вот моя любимая жена Клара ...

Нина подскочила в кресле:

– Скажите же наконец, при чем тут ваша жена?

– Хороший вопрос, – улыбнулся клиент, – он требует обстоятельного ответа. Моя любимая жена Клара...

Через полтора часа, выслушав массу хвалебных речей в адрес «любимой жены Клары», мы добрались-таки до сути дела.

Григорий и Павел дружат с детства, Брыкин в тандеме лидер, он энергичен, ловок, не боится рисковать. А Гриша мямля, не способен на стратегические решения, зато честен, аккуратен, исполнительен и готов отдать жизнь за друга.

Он не смог добиться карьерных высот, даже не стал начальником отдела в фирме приятеля, является рядовым служащим, но зато Гриша удачно женился. Его супруга Клара решает за мужа все проблемы, уверенной рукой ведет домашнее хозяйство, планирует все покупки, дает Григорию советы, и вообще – она надежна, как швейцарский банк. А вот Брыкину в личной жизни не везет. Он ходил в загс не один раз, но все его браки заканчивались плохо. Ну да, на свете редко встречаются счастливые люди, однако и абсолютно несчастных тоже нечасто встретишь. Отняв у вас одно, судьба, как правило, преподносит что-то другое. И наоборот: если Фортуна сделала кому-то шикарный подарок, то будьте уверены, обязательно взамен отберет у человека кусок сладкого пирога.

– Поэтому моя любимая жена Клара и посоветовала обратиться к вам, – талдычил Селезнев. – Сказала: «Гриша, крупное агентство заломит за услуги немыслимую цену, придет-

ся оплачивать кучу расходов, а небольшая фирма выполнит наш заказ за приемлемую сумму. И лучше иметь дело с женщинами, они более хитры и исполнительны». Моя жена Клара порылась в Интернете и нашла ваш адрес. Правда, моя Клара умна?

– Абсолютно с вами согласна, – подобоострастно заявила я.

– А чего вы от нас ждете? – рубанула Косарь.

– Павел хочет жениться, – вздохнул Селезнев. – Понимаете?

– Странно, что человек, который многократно посещал загс, еще сохранил иллюзии, – улыбнулась я.

– Павел наивен и влюбчив, – нахмурился Григорий. – Да, он удачливый бизнесмен, причем, как говорится, оторвался от плинтуса без помощи посторонних, стал одним из лучших на своем поприще. Однако в личном плане ему катастрофически не везет! Паше нужна такая супруга, как моя любимая жена Клара. Но где ее взять?

– Мы не брачное агентство, – не выдержала Косарь. – Вероятно, ваша безупречная Клара ошиблась, вы обратились не по тому адресу.

– Как это? – оторопел Григорий. – Моя Клара не может принять неправильное решение. Речь идет о проклятии!

– О чем? – удивилась я.

Селезнев насупился.

– Вы же не даете человеку высказаться! Вот моя жена Клара всегда внимательно меня слушает.

– Бога ради, – закатила глаза Нина, – вернемся к сути дела.

– Мы горим желанием узнать подробности, – завилыла
я хвостом, крепко сцепив пальцы в замок, потому что мне
очень хотелось схватить вязкого мужика за грудки и встрях-
нуть его, как бутылку с загустевшим кефиром.

Григорий замямлил дальше и выложил совсем уж невероятную историю.

Павел Брыкин происходит из дворянского рода. В его семье сохранилось несколько предметов, свидетельствующих о знатности предков, например старинная семейная Библия, в конце которой, на специальных страницах, прадеды Павла записывали имена своих новорожденных детей. Каким образом книга пережила все войны и революции, непонятно, но сейчас толстый том в кожаном переплете, украшенном драгоценными камнями, хранится у Павла в сейфе. Многие музеи наверняка пожелали бы приобрести раритет, издание стоит огромных денег, но для Павла оно бесценно, Брыкин не собирается расставаться с ним ни за какие миллионы и никому реликвию не показывает.

Как у всякой родовой семьи, у Брыкиных была своя легенда.

Много лет назад Филимон Брыкин, молодой красивый помещик, соблазнил горничную Дашу. Конечно, это некрасивый поступок, но из песни слов не выкинешь. У Филимона тогда была невеста, на Даше барин жениться не собирался, просто порезвился с дворовой девушкой, и все. Филимона за

это нельзя упрекнуть, в его время крепостные и за людей-то не считались, являлись собственностью барина и не могли послушаться хозяина.

Накануне своей свадьбы Филимон заметил округлившийся живот Даши и без всякой злости сказал ей:

– Езжай в Макаровку. Выделю тебе хорошую избу и денег дам на обзаведение хозяйством. Если парня родишь – получишь годовое содержание, девка появится – тоже не оставлю без помощи. Замуж выйдешь за Федора Рябого.

– Батюшка! – заплакала Даша. – Федор ведь страшный!

– С лица воду не пить, – насупился барин, – и не вздумай послушаться.

– Оставьте меня при дворе, не отсылайте в Макаровку! – взмолилась Даша.

– У меня молодая жена хозяйкой в дом войдет, – вскипел Филимон, – а тут ты с пузом!

– Может, я еще выкину ребеночка, – не успокаивалась Даша.

Филимон нахмурился:

– Выкинешь, тогда поговорим.

На следующий день Даша побежала к местной знахарке, старуха чем-то ее напоила. Девушка вернулась домой к матери, а ночью умерла, родив шестимесячного младенца. Странно, но мальчик появился на свет живым и, несмотря на недоношенность, вполне здоровым.

Глава 2

Кончина крепостной не расстроила Филимона, он не собирался отменять свое бракосочетание из-за какой-то дворовой девки. На торжественное венчание собралось огромное количество гостей. И вот, когда жених с невестой встали у алтаря, а местный батюшка начал речь, из толпы послышался шум, потом раздался крик:

– Стойте!

Священник осекся, гости стали шушукаться. Филимон побагровел и велел:

– Продолжайте обряд!

Но тут к молодым подбежала женщина в поношенной одежде, закутанная в платок.

– За то, что ты, барин, сделал с моей дочерью, не бывать вашему счастью! – закричала она.

Присутствующие растерялись, а тетка подняла правую руку и выкрикнула.

– Проклинаю весь твой род! Пусть у тебя выживет лишь один ребенок, а остальные умрут, пусть у сыновей и внуков Брыкиных никогда не остается более одного чада, даже если они по десять раз женятся, и так до седьмого колена. А в том колене род прервется! Задумает барин жениться – все его суженые погибнут в муках. Куковать последнему Брыкину бобылем, умереть ему никому не нужной собакой! Аминь!

В церкви клятву произнесла, на святой иконе скрепила.

Не успели гости и жених с невестой глазом моргнуть, как с одной из стен неожиданно сорвалась икона, упала на пол и разлетелась в обломки. Толпа в ужасе стала креститься, священник отпрянул к алтарю.

– Вот! Услышал Господь мое проклятие! – заорала безумная мать Даши. – Филимон, если хочешь свой род спасти, воспитай сына от моей дочери, только он или его потомки заклятие снять смогут. Да будет так!

Дальнейшее произошло в доли секунды. Женщина выхватила из-за пазухи нож и резанула им себе по горлу, фонтан крови взлетел вверх и обрушился на белое платье невесты, девушка грохнулась без чувств. Бракосочетание не состоялось, родители подхватили лежащую в обмороке дочь и бросились к карете. А безумная мать Даши скончалась подле алтаря.

Целый год в гостиных только и говорили, что о прерванной свадьбе. Филимон в свете не показывался, сидел взаперти в своей усадьбе. Но местные сплетницы потрясли уездного врача и узнали от него много интересного.

Брыкин взял под опеку сына Даши, нарек его Андреем, поселил в своем доме, нанял мамок, нянек и велел им ухаживать за младенцем как за барчуком.

– Испугался Филимон, – шептались дамы в гостиных. – Да оно и понятно почему!

Лет через пять после этого происшествия Брыкин сделал

предложение Марфе Загоскиной и получил отказ.

– Боимся, батенька, с тобой родниться, – честно признался старик Загоскин.

Филимон молча проглотил обиду и попытался ухаживать за Машей Водиной, родовитой, но бедной девушкой. Для родителей Марии, воспитывающих семерых дочерей, жениховство Брыкина являлось, в общем-то, счастьем, феерическим везением, но все же отец и мать Водиной не согласились на свадьбу.

Будучи отвергнут даже самой последней невестой уезда, Филимон закрыл усадьбу и уехал в неизвестном направлении. Домой он вернулся через три года вместе с супругой, темноволосой Настей, она вела за руку мальчика лет восьми, а большой живот свидетельствовал о беременности женщины.

Окрестные помещики замерли в ожидании. Настя родила дочь, но та в младенчестве умерла. Через два года Брыкины потеряли следующего ребенка, и тут добрые кумушки открыли Насте правду о проклятии и задали вопрос:

– Разве ты не знаешь о Дарье, родительнице Андрея?

– Нет, ничего про мать мальчика не ведаю, – растерялась Настя. – Мне муж просто сказал: «Андрюша мой воспитанник, сирота, я его из милости приголубил».

Короче, у Филимона Брыкина выжил только первый сын, Андрей. Он благополучно вырос, рано женился на симпатичной девушке, стал отцом девочки, которая скоро умерла. По-

том скончались и его второй, третий ребенок. Из всех отпрысков Андрея в живых остался лишь сын Петр. В округе снова заговорили о проклятии. Все получалось так, как предсказала мать Даши: дети Брыкиных умирали. Родители выплакали все глаза, глядя на страдания малышей, а потом отпевая их в церкви...

Григорий замолк.

– Очень жестокая сказка, – поморщилась Нина, – и сюжет затасканный, я уже не раз слышала подобные истории про проклятие до седьмого колена. Какое отношение эта фантазия имеет к Павлу Брыкину?

– Так он и есть то самое седьмое колено, – совершенно серьезно заявил Селезнев. – У Павла было три сестры, и они умерли: Лиза в десять лет от аппендицита, Лена в пять от скарлатины, а трехлетняя Варя утонула в реке.

– Это простое совпадение! – фыркнула Нина.

– У отца Павла, Николая, было четыре брата, – вздохнул Григорий, – в живых остался лишь он, старший. Я уже говорил вам про семейную Библию Брыкиных? Она напоминает мартиролог – бесконечные записи о смерти наследников рода. В живых у каждого поколения оставался лишь один ребенок, а на Павле, если вспомнить проклятие, род закончится, его жены умрут. Все до одной.

– Думаю, не следует столь буквально воспринимать семейные легенды, – усмехнулась Нина.

Клиент всплеснул руками.

– Понимаете, это правда! В восемнадцать лет Паша влюбился в Алену Звереву. Девушка ответила ему взаимностью, и они расписались. Но очень скоро молодая жена умерла, у нее случился аллергический шок.

– Трагично, но неудивительно, – заметила Нина.

– Учась в институте, Павел обратил внимание на Жанну, – продолжал Григорий, – очень симпатичную девушку. Сделал ей предложение, сыграли свадьбу. Они были так счастливы! А потом жена Паши погибла. И снова от аллергического шока.

– Немного странно, – ответила я. – Редко у кого погибают обе супруги подряд, да еще по одной причине.

– Спустя некоторое время Павел расписался с Ксенией. Но и она плохо кончила – утонула в речке! – воскликнул Селезнев.

Нина прикусила губу.

– Ни одна из жен с Пашей долго не прожила, – заметил Григорий. – После смерти Ксении мой друг стал сторониться женщин, но время шло, страх поубавился, и сейчас Павлик опять влюблен, на этот раз в Веру Путинкову, намерен с ней расписаться. Мне просто не по себе.

– Не верю я в глупости, – поежилась Косарь, – во всякие проклятия и сглаз, в зомби и вампиров. Любое загадочное обстоятельство имеет реальное объяснение. Но рассказанное вами звучит по меньшей мере удивительно.

– Вы рассуждаете как моя любимая жена Клара, – восхи-

тился Григорий. – Она сказала: «Мы должны найти убийцу!»

Нина заморгала, а я в недоумении спросила:

– И кто кого убил?

Селезнев вынул из кармана замшевый мешочек, вытащил из него очки, внимательно осмотрел, водрузил их на нос и торжественно произнес:

– Кто-то лишает жизни жен Павла.

Мы с Ниной переглянулись.

– Вы только что со вкусом рассказали семейную легенду Брыкиных, – напомнила Нина, – пытались убедить нас, что в ней все правда, а теперь заговорили о насильственной смерти. Где логика?

– Я не говорил, что верю в легенду, – спокойно возразил Селезнев. – Просто сообщил: она существует, передается из поколения в поколение. И дети в самом деле в семье Брыкиных умирали. Моя любимая жена Клара... Она, понимаете ли, врач-педиатр, и от нее я знаю: есть такие заболевания, которые губят детей. Например, в прежние времена люди ничего не слышали о фенилкетонурии² или о лейкозе. Ребенок умирал, и причина его смерти была непонятной. Или вот вам другой пример. Пока наука не узнала о положительном и отрицательном резусе и об опасности, которая ожидает детей, зачатых людьми с полярными показателями, огромное ко-

² Фенилкетонурия – наследственное заболевание, связанное с недостаточностью одного фермента. Дети выглядят вначале здоровыми, а потом умирают. Если больной соблюдает диету, не употребляет продукты животного происхождения, в частности молоко, его жизни ничто не угрожает. (Прим. автора.)

личество малышей оказалось на том свете.

– Насколько я помню ваш рассказ, сестры Павла покинули сей мир вследствие аппендицита, скарлатины, а самая маленькая утонула, – подчеркнула Нина.

Григорий снял очки.

– Вот! Моя жена Клара предполагает: вдруг в роду Брыкиных есть некое генетическое заболевание, неизвестное науке, оно передается из поколения в поколение, убивая несчастных.

– Аппендицит и скарлатина! – напомнила я.

Селезнев кивнул.

– Хорошо. Знаете, как бывает: подхватит человек обычную простуду и умирает. А почему? Да потому, что в его организме сидела какая-нибудь инфекция или вирус, который активизировался под воздействием банального насморка. Всем кажется, что больной скончался от простуды, но на самом деле его сгубило наследственное заболевание, о котором никто не ведал, даже он сам.

– Как же называется эта напасть? Забыла! – воскликнула я.

– Ты о чем? – удивилась Нина.

Я скрестила ноги.

– Ты никогда не видела справочник болезней? Лучше не знать об этой книге, иначе сразу поймешь: выжить на планете Земля – нет шансов. Каких только недугов не существует на свете! Даже лучшие врачи не знают всего, так сказать, ас-

сортимента. А еще вот что: если подцепишь редкую заразу в Африке или Латинской Америке, в России тебя ни один академик не вылечит. Кроме того, встречаются совсем уж хитрые недуги. Например, такое заболевание: оно убивает светлокожих голубоглазых подростков с недостатком веса, передается по наследству. Допустим, один человек в детстве смог справиться с инфекцией, окружающие подумали, что у ребенка грипп, а то была болезнь, полученная от родителей. Через десяток лет переболевший благополучно заводит семью и производит на свет младенца, который умирает... от скарлатины. Но никому не приходит в голову, что на самом деле малыша свела в могилу семейная напасть, которую несчастный получил при рождении. Детский организм мог бы справиться со скарлатиной, но к ней присоединилась семейная болезнь, и наступил летальный исход.

– Жесть! – поежилась Нина. – А ты откуда знаешь такие подробности?

– Катя рассказала, – пояснила я. – У них преподавал строгий профессор, который просто муштровал студентов-медиков.

– Вот-вот, – закивал Григорий Селезнев, – и моя жена Клара того же мнения. Мистики нет, а есть генетика.

– Но одна сестра Павла утонула, – возразила Косарь.

Я украдкой покосилась на подругу – уж не поверила ли она в рассказы про проклятие?

– Ее смерть можно списать на несчастный случай, – от-

махнулся наш клиент. – Главное сейчас другое! Да, в роду Брыкиных выживал только один ребенок, что, вероятно, объясняется какой-то наследственной болезнью. А вот как быть с кончиной жен Павла?

– Продолжайте! – нахмурилась Нина.

– Их смерть не случайна, – Селезнев понизил голос почти до шепота. – Моя жена Клара полагает, что их убивают.

– Кто? – изумилась я.

Григорий округлил глаза:

– Хороший вопрос! Это вам и предстоит выяснить.

Нина забарабанила пальцами по столу.

– Учитывая тот факт, что первая девушка погибла, когда Павел едва справил восемнадцатилетие, по-вашему выходит: киллер постоянно находится около Брыкина, – сказала я.

– Моя любимая жена Клара предположила, что преступник – близкий к Павлу человек, – заявил Григорий.

– Думаю, ваша Клара может сама найти виновного, – не удержалась от сарказма Нина.

– Моя Клара считает, что лучше нанять специалиста, – парировал Селезнев. – Надеюсь, вы согласитесь. Причем дело не терпит отлагательств.

– Почему? – хором спросили мы с Ниной.

– Вера хочет выйти замуж, их отношения с Павлом длятся около года, но Брыкин из-за семейной легенды никак не решается сделать ей предложение.

– Я бы на его месте тоже тормозила, – кивнула Нина.

– Терпение Веры не безгранично, – монотонно бубнил Григорий, – вокруг нее еще вертится Виктор Маландин, у него свои планы на девушку. Вера любит Павла, но тот же не торопится со свадьбой.

– Странная девица, – вздохнула я. – Лично мне не хотелось бы испытывать судьбу.

– Она ничего не знает, – вздохнул Селезнев.

– Что? – насторожилась Нина.

– Вера не в курсе того, что случилось с ее предшественницами? – поразила я.

Наш клиент кивнул.

– Понимаете, Паша слегка подкорректировал свою историю. Про Алену не упомянул вообще, а Ксюша... Она ведь утонула, это не криминально.

– Была еще Жанна с аллергией, – хмыкнула Нина.

– И о ней Павел умолчал! К чему при невесте прошлое поминать? – раскипятился вдруг Селезнев.

– По-моему, непорядочно с его стороны утаивать от Веры столь важные сведения, – вздохнула я.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – заявил Григорий. – Некоторое время назад Вера сказала моей Кларе: «Если на свой день рождения Павлуша не сделает мне предложение, я уйду от него. Какой смысл время зря тратить? Годы летят, я хочу детей, но заведу их лишь в законном браке – никогда не лягу в постель с мужчиной до свадьбы».

Нина вытащила сигареты.

– Это похоже на шантаж. Девушка, знающая о вашей дружбе с Павлом, явно надеялась, что ее слова достигнут ушей Брыкина.

– Вы правы, – не стал спорить Селезнев. – Моя Клара действительно позвонила Паше, а тот заявил: «Двенадцатого сентября я при всех попрошу Верушку стать моей женой».

Нина неожиданно закашлялась.

– Согласен с вами, – кивнул Гриша, – это смелое решение. Но если Брыкин побоится предложить руку Вере, он и вовсе ее лишится – та уйдет к Виктору.

– У Веры не очень хорошие перспективы, – протянула я, – похоже, ей грозит опасность. Следовало бы предупредить девушку, рассказать ей в деталях биографию суженого.

– Она уйдет к Виктору, – повторил Григорий.

– Никак не пойму, – ответила Нина, – эта Путинкова хочет выйти замуж по расчету?

– Нет, она любит Павла, – заверил Селезнев.

– Но уйдет к Виктору? – удивилась я.

– Ну... может, и нет... хотя, – замямлил Григорий, – моя жена Клара считает, что Вера принадлежит к тем женщинам, которым для полного счастья непременно нужен штамп в паспорте. Путинкова очень порядочная девушка – с кем распишется, того и будет обожать. Сейчас она испытывает самые светлые чувства к Павлу, к тому же он богат и влиятелен, имеет огромные связи. А Виктор попроще, он, как и я,

служит на окладе, только в банке. Кстати, Маландин вовсе не беден. Если Павел не изъявит желания жениться, Вера уйдет к Виктору и будет с ним счастлива. Путинкова девственница, она ни за что не отдастся мужчине без росписи.

– У девушки потрясающий характер, – пробормотала я, – без комплексов и заморочек: люблю того, кто со мной распишется. Душечка отдыхает! Антон Павлович Чехов и не предполагал, что Душечка может быть такой.

– Паша обожает Веру, – продолжал Григорий, – вот потому он и принял решение...

– ...убить Маландина, – перебив его, закончила фразу Нина.

Григорий закатил глаза.

– Нет! Прекратите ерничать! Вы беретесь за дело?

– Какое? – спросила я.

Селезнев удивленно посмотрел на меня.

– Вам надо вычислить того, кто захочет лишить жизни Веру.

Глава 3

Нина схватила за сигареты, а Селезнев продолжал:

– Как только Паша окольцует Веру, преступник начнет действовать.

– Навряд ли он сразу кинется уничтожать невесту, – я решила слегка остудить пыл клиента. – Киллер, скорее всего, обставит дело так, чтобы все выглядело как несчастный случай. И мы не можем постоянно находиться около Веры, если только Павел не объявит, что нанял для будущей супруги секьюрити. Боюсь вас разочаровать, но все равно скажу: если кто-то твердо решил избавиться от человека, последнему не спастись. Не может же девушка всегда и везде ходить в сопровождении охраны и спать под присмотром «шкафов» с оружием.

– Придется постараться и вычислить мерзавца в кратчайший срок, – заявил Гриша, – одна из вас поселится в доме и будет зреть в сто глаз.

– Думаю, в присутствии сыщика негодяй затаится, – не согласилась я с планом Селезнева.

– А никто и не узнает, что вы сыщик, – заговорщицки улыбнулся Гриша, – правда будет известна только мне и моей любимой жене Кларе.

– Постойте, а Павел? – удивилась Нина.

– Ни в коем случае! – воскликнул Селезнев. – Павел очень

умен, он четко идет к поставленной цели, но лишь в бизнесе. В личной жизни Брыкин наивен. И он верит в проклятие.

– Каким образом одна из нас поселится рядом с Брыкиным и Верой, не рассказав им о своем задании? – прервала Григория Нина.

Селезнев открыл портфель и начал в нем рыться, бормоча:

– Моя Клара придумала изумительный план. Помните Ксению?

– Ту, которая утонула? – поинтересовалась я.

– Да, – подтвердил Григорий. – У нее есть отец, великий математик Исидор Ринг, мировая величина. Я, простите, очень плохо разбираюсь в точных науках, даже считая на калькуляторе, делаю ошибки. А вот моя жена Клара...

На сей раз выслушивать очередную хвалебную оду незнакомой бабе не захотела уже я, поэтому решительно остановила клиента:

– Давайте говорить о конкретных делах!

Нина кашлянула, а Григорий как ни в чем не бывало поспекал дальше:

– Исидор гений, это признают даже в России. В советские годы Ринг работал на оборону, и с ним постоянно ходили два охранника. Математик был обласкан властями, ему дали шикарную квартиру – наверное, четыреста квадратных метров. Понимаете, как относилась советская власть к Исидору, если его семье из трех человек выделили такое жилье? Жена

Ринга давно умерла, дочь Ксюшу он воспитывал один. Когда та скончалась, Павел остался жить с тестем. Вернее, Брыкин и его супруга все время обитали в квартире математика, но Паша не ушел от старика и после смерти Ксении, остается с ним до сих пор. А в ближайших соседях у Ринга Матвей Ромашин, старый друг Исидора, тоже гений, только физик.

– Значит, у Брыкина нет своего дома? – уточнила Нина.

Григорий кивнул:

– Именно так.

– Похоже, его дела идут не очень хорошо, – предположила Косарь.

Селезнев замахал руками:

– Фирма процветает!

– Но почему тогда Павел до сих пор ютится с бывшим тестем? – не успокаивалась Нина.

– Ютится! – закатил глаза Григорий. – В тех хоромах стаду слонов легко заблудиться. Павел любит Исидора, считает его своим отцом или дедом. Старик не может жить один, перевезти его в другое место нельзя, он, как белка, обжился в родном гнезде. Как-то раз Паша захотел побаловать Исидора и отправил его в лучший отель в Карловых Варах. А Сидя – так Исидора свои зовут – там и трех дней не выдержал! Ему нужно находиться в любимом кабинете среди книг, и чтобы Матвей по вечерам заходил. Понимаете?

– Думаю, да, – сказала я.

– Павлик не осмеливается даже ремонт сделать, – засме-

ялся Селезнев, – в квартире до сих пор наружная электропроводка.

– Провода тянутся прямо по стене, намотанные на маленькие фарфоровые ролики? – уточнила Нина.

– Верно, – согласился Селезнев. – Чтобы сделать реконструкцию жилья, понадобится около года. А куда Исидора девать? Паша хотел отремонтировать квартиру, позвал специалистов, а те ему и наговорили: плитку в ванной месяц срубить придется – ее при Сталине клали, а тогда халтурить боялись, да еще кухня вся в кафеле до потолка. Вот Брыкин и плюнул. Раньше у Павла жила домработница Олимпиада. Она недавно скончалась. Ничего криминального, бабуле было за восемьдесят, даже ближе к девяноста. Паше некогда заниматься поиском прислуги, поэтому он попросил мою Клару о помощи.

– Понятно... – Нина оперлась локтями о стол. – Лампа, изображать поломойку будешь ты!

– Почему я?

– Наверное, там и готовить надо? – прищурилась Нина.

– Конечно, – подтвердил Григорий.

– Стирать, гладить, убирать? – не успокаивалась Нина.

– Естественно, – пожал плечами Селезнев.

– Мои кулинарные способности дальше яичницы и заварки «бомж-пакета» с лапшой быстрого приготовления не идут, – захихикала Косарь, – при виде утюга у меня начинаются судороги, а на стиральный порошок давно аллергия.

Одним словом, если я буду заниматься хозяйством, меня вытолкают взащей через день. А Лампа у нас – гений домашнего очага.

– Ага, – ехидно протянула я, – всегда удачно подавляю судороги при виде утюга. Кстати, ты не пыталась приготовить борщ? Это простое дело, могу научить.

– Нет, спасибо, – живо отказалась Нина. – К тому же надо жить у них в доме, а куда я своих пацанов дену? Кто их из садика заберет? Дед Мороз?

– Значит, договорились! – потер руки Селезнев. – Завтра к полудню приезжайте в агентство, я вас доставлю к Исидору, познакомлю с ним, и начинайте работу. Двенадцатого у Павла день рождения, тогда всех и увидите.

И вот я стою в нашем офисе, держа в руках небольшой саквояж. С минуты на минуту должен подъехать Григорий, чтобы отвезти меня к месту службы.

– Помни, никто не должен знать, кто ты на самом деле, – поучала меня Нина. – Ни у одного человека, включая самого Брыкина, не должно зародиться подозрений.

– Знаю, – ответила я.

– Очень неразумно внедряться в семью под своей фамилией.

– Может быть, и так, – согласилась я.

– Насторожишь кого-нибудь! Имя Евлампия слишком необычное.

Я решила не спорить с Косарь.

– Поэтому держи документ, – довольно улыбнулась Нина. – Оцени мою ментовскую предусмотрительность и оперативность – за пару часов ксиву раздобыла. Кстати, она подлинная, никакой джинсы. Любуйся!

Я открыла темно-бордовую обложку и увидела собственное фото.

– Ну и ну! – непроизвольно воскликнула я.

– Супер, да? – напыжилась Нина. – Есть, есть еще у меня контакты в нужных местечках! Есть еще порох в пороховницах! Выучи свои имя, отчество, фамилию и место прописки. Хотя, думаю, никто тебе там допроса с пристрастием устраивать не станет.

Мои глаза переместились чуть выше. Обезьянкина Альбина Спиридоновна, год рождения – 1946. Меня будто киятком окатили.

– Нина!

– Чего? – продолжала довольно улыбаться Косарь.

– Я намного моложе! Неужели выгляжу на шестьдесят?

Подруга скрестила руки на груди.

– Если честно, в последнее время ты не очень хорошо выглядишь – бледная, синяки под глазами в пол-лица.

– Я не похожа на пенсионерку!

Нина опомнилась:

– Конечно, нет.

– Тогда почему паспорт на даму преклонного возраста? –

обозлилась я.

– Я торопилась ксиву найти, схватила первую попавшуюся, – застрекотала Косарь. – Не обижайся, зато корочка подлинная. А на год рождения никто не посмотрит!

– Вдруг математик придиричив? Его внимание, скорее всего, и зацепится за цифры!

Косарь стала раздражаться.

– О господи! Если он удивится, скажешь: ботокс и фитнес творят чудеса, я сделала подтяжку, вколола себе стволовые клетки и вообще проповедую раздельное питание, никогда не употребляю селедку вместе с кефиром, отсюда и молодость.

Но я не успокаивалась:

– Фамилия восхитительная. Всю жизнь мечтала быть Обезьянкиной!

– Так ведь это не навсегда.

– Но... – попыталась я продолжить спор и тут же замолчала, потому что в офис вошел Григорий.

Пропустив меня в темную прихожую, где резко пахло кошками, Селезнев заорал:

– Исидор!

Голос его гулко покатился внутрь квартиры и затих, я всматривалась в темноту.

– Сидя! – вновь загредел Григорий. – Подойди сюда, Сидя! Ты опять оставил дверь открытой, Исидор! Ну куда по-

девался выключатель?

Я сделала шагок вправо, наступила на что-то мягкое, оно судорожно дернулось, мякнуло, и в ту же секунду под потолком тускло вспыхнула маломощная лампочка. Я застыла от удивления. Стен не было, вместо них от грязного затоптанного пола вздымались бесконечные книжные полки, в углу висела вешалка, под ней громоздилась гора ботинок, чуть поодаль стоял круглый столик из красного дерева, а на нем высился настоящий раритет – черный телефонный аппарат с наборным диском. Когда-то, помнится, такой агрегат стоял в кабинете моего отца.

– Сидя! – вопил Григорий. – Отзовись!

– Мы тут, на кухне, – долетело из коридора.

– Пошли, – приказал Селезнев. – Прямо, налево, направо, прямо! Все, дотопали.

Я вошла в почти тридцатиметровую комнату, увидела круглый стол, несколько венских стульев и двух стариков, одетых, несмотря на относительно теплый сентябрь, в уютные душегрейки из дубленой овчины. Дедушки играли в шахматы.

– Исидор, я привел новую домработницу, – возвестил Селезнев.

– Спасибо, дружок, – сказал один божий одуванчик. – Мотя, ты в опасном положении.

– Нет, Сидя, – бойко пропищал второй дедуля, – я применю защиту Таля, и тебе конец, как шведу под Полтавой.

– Всегда считал, что та победа была для русской армии случайной, – задумчиво протянул Исидор.

– Сидя, это новая прислуга! – надрывался Гриша.

– Здравствуйте, деточка, – опомнился математик, – рад знакомству.

– Я пойду, – обрадовался Селезнев и ретировался.

– Шах! – объявил Мотя. – И мат!

– Не может быть! – подскочил Исидор. – Невероятно! Ты сжульничал!

Матвей захохотал, Сидя обиженно засопел и тут же предложил:

– Еще разок?

– С удовольствием, – ответил компаньон, – мои белые.

– Ты ими уже играл!

– Так я и победил.

– Это нечестно! Хотя ладно, – махнул рукой Исидор. – Мотя, ты жулик! Я еще в сорок втором году был чемпионом нашего НИИ!

– Боюсь, тебя подводит память. Перед войной на турнирах всегда побеждал Никитин из второго отдела, – напомнил его приятель.

– Простите, пожалуйста, – вмешалась я в беседу, – чем прикажете заняться?

Старички уставились на меня.

– А вы кто? – спросил Исидор.

– Новая домработница.

– Куда подевалась Липа? – поинтересовался Мотя.

Преодолев секундную растерянность, я ответила:

– Она заболела.

– Что случилось? – в один голос спросили божьи одуванчики.

– Аппендицит, – лихо соврала я, не желая сообщать старикам, что моя предшественница скончалась.

– Вы путаете, деточка, – расставляя фигуры, ответил Исидор, – Липе его вырезали в пятьдесят пятом.

– Верно, – подтвердил Матвей, – нам на конференцию уезжать, а Липу скрутило.

– Как вас зовут, ангел? – догадался спросить Исидор.

– Анжелика Мартышкина, – представилась я.

– Паспорт есть? – задал следующий вопрос Матвей.

– Конечно, – кивнула я.

– Давайте, – велел Исидор.

Я протянула ему темно-красную книжечку, Сидя начал изучать документ.

– Она представилась Анжеликой Мартышкиной? – спросил через некоторое время дедок.

– Я слышал четко, – отрапортовал Мотя, – Анжелика Мартышкина.

– Но здесь написано – Альбина Обезьянкина, – протянул Сидя.

Чувствуя себя последней идиоткой, я удрученно молчала. Так и знала, что смена имени добром не кончится! Сейчас

меня с позором выкинут вон...

– Ничего, солнышко, – ласково пропел Исидор, – с каждым может случиться. Я порой домашний адрес путаю. Дорогу знаю, а название улицы из головы вылетает. Вы молодая, семидесяти еще не стукнуло, а в этом возрасте склероз можно остановить. Надо принимать рыбий жир.

– Попьете наш коктейль, мы сами состав разработали, и память восстановится, – заявил Мотя.

– Да какая, собственно, разница – Обезьянкина, Мартышкина или Макакина? – вещал Исидор. – Если вам больше по вкусу имя Альбина, так вас и станем звать. Но мне нравится Анжелика.

– Душенька, взбодрите чайник, – попросил Мотя.

Я перевела дух и отправилась искать электроприбор. Через пять минут мною было сделано несколько открытий. Воду тут кипятят в эмалированном старом монстре, а плитой служит агрегат, похожий на железный комод. Ни о каком электронном зажигании и речи не шло. Горелки накрывались чугунными решетками, чуть пониже, над дверцей духовки, была надпись «Газоаппарат. 1952 год».

– Солнышко, как там наш чаек? – осведомился Мотя.

– Извините, не могу зажечь газ, – призналась я. – Конечно, я готова сварить вам обед из трех блюд, но давным-давно не пользуюсь спичками. К тому же их тут нет!

– Ничего, дружок, сейчас разберемся... – менторским тоном завел Сидя. Он встал и, шаркая ногами, обутыми в

домашние тапки разного цвета, подошел ко мне. – Видите на стене палочку красного цвета?

– Да, – чувствуя себя кретинкой, ответила я.

– Это зажигалка, – вещал дед, – очень удобная штука, я ее из Лондона привез э... э... э...

– Конгресс тысяча девятьсот шестьдесят второго года, – резво перебил друга Мотя. – Тебе тогда английская королева премию вручила, золотую статуэтку.

– Да? Не помню, – почесал бровь Сидя. – А вот про зажигалочку не забыл. Купил ее в магазине около гостиницы, работает по сию пору отменно. И так, душечка, нажимаете на кнопочку, слышите звук цик-цик-цик, и подносите к горелке. Пах – огонь возгорелся!

– Спасибо, – сказала я.

– Никогда не поздно научиться зажигать газ, – заявил Сидя, возвращаясь к шахматам.

– Человек живет до тех пор, пока осваивает новые знания, – подхватил Мотя.

Твердо решив реабилитироваться в глазах стариков, я порылась на полках и поняла – тут не уважают кофе. На центральном месте белела фарфоровая банка с надписью «Чай».

Заварка пахла анисом, но меня это не смутило. Я ополоснула фарфоровый чайник, стоявший на мойке, насыпала в него три ложки темно-коричневых гранул, залила кипятком, подождала пару минут и поставила емкость перед стариками.

– Еще кружечки, мой ангел, – попросил Сидя.

Я покосилась на старика. Ох, кажется, он посчитал меня идиоткой, решившей, что хозяин с гостем будут хлебать из носика чайника. Чашки нашлись в сушке, я аккуратно налила в них темную жидкость. Мотя осторожно сделал глоток и посмотрел на Сидю, Исидор моргнул, тоже отхлебнул и спросил:

– Что это?

– Чай, – ответила я.

– А где вы его взяли, дружок?

– В банке, – я ткнула пальцем в фарфоровую тару.

Исидор улыбнулся.

– Солнышко, там же сбор от кашля. Неужели вы не поняли по запаху?

– Нет. Вернее, я уловила аромат аниса, но решила... подумала... – начала оправдываться я. – Там же надпись «Чай»!

– Заварка находится в банке с надписью «Вермишель», – сообщил Сидя.

– Ага, – растерянно кивнула я.

– В «Чаете» грудной сбор, в «Соде» перец, в «Муке» лапша, – ввел меня в курс дела Исидор. – Ну ничего, разберетесь. Вот что, дружок, я вас на сегодня амнистирую. Устраивайтесь спокойно в своей комнате.

– Спасибо, – пробормотала я. – А где она?

– Пятая дверь слева по коридору, – улыбнулся Сидя.

– Вы понимаете, что значит «слева»? – спросил у меня

дипломатичный Мотя.

– Да, – подтвердила я.

– Левой рукой не пишут, – Сидя решил все же помочь домработнице-дебилке, – ложку и авторучку мы держим в правой и ее же протягиваем, чтобы поздороваться. Если запутаетесь, возвращайтесь!

– Внимательно считайте до пяти, – воскликнул Мотя, – не торопитесь. Раз, два, три... Что у нас дальше?

– Четыре, пять, – со вздохом продолжила я.

– Ай, молодец! – оживился Сидя.

– Умница, – похвалил Мотя.

– Дорога к знаниям начинается с прилежания, – отметил Сидя.

– У вас талант к математике, – подхватил Мотя.

Глава 4

Испытывая комплекс первоклашки, побывавшей на заседании Академии наук, я пошла по бесконечному коридору, считая высокие белые двери. Раз, два, занавеска на стене, три, четыре, снова занавеска, пять! Я толкнула дверь, шагнула в абсолютно темное помещение, наткнулась на что-то холодное, взвизгнула, пошарила руками по стене и нащупала выключатель.

Вспыхнул тусклый свет – очевидно, хозяева экономят на электричестве.

Сначала глаза наткнулись на книжные полки, забитые «толстыми» журналами, выпущенными еще в советские годы: «Новый мир», «Иностранная литература», «Октябрь», «Звезда Востока», «Нева». Похоже, в свое время Ринг выписывал всю периодику. Затем я заметила белый короб под потолком, тянущиеся от него вниз трубу и цепочку с фарфоровой ручкой и лишь потом увидела огромный унитаз, на котором с полным комфортом мог бы устроиться слон.

Пришлось выйти и повторить путь. Пятая по счету дверь опять оказалась входом в сортир. Собравшись с духом, я вернулась на кухню и спросила:

– Моя комната пятая?

– Верно, – подтвердил Исидор.

– Но там уголок задумчивости! – прошептала я.

– Кабинет в другом коридоре, – поразился Сидя.

– Я имею в виду туалет, – уточнила я.

– Да ну? – поразился Мотя. – Пойдемте!

Физик ловко вскочил и побежал, громко считая вслух.

– Раз, два, три... Опля! Ваша светелка.

– Вход был закрыт занавеской, я считала лишь видимые двери, думала, за драпировкой... – попыталась оправдаться я.

Слова закончились. Чем дольше говорю, тем большей идиоткой выгляжу. Ну что могут прятать гардины, повешенные в удавообразном коридоре? Книжные полки? Окно?

– Вас устраивает спальенка? – церемонно осведомился Исидор, материализуясь на пороге. – Она маленькая, но уютная.

– Пошли, доиграем, – Мотя потянул приятеля за руку.

– Я загнал тебя в угол, – потер ладошки Сидя.

– Не бывать такому! Смерть римским легионам! – возвестил Мотя, и старики резво ускакали.

Я опустилась в здоровенное вольтеровское кресло. Ничего себе, маленькая спальенка! Метров двадцать, не меньше. И кровать ей под стать – дубовая, с пятью пуховыми подушками. А еще три здоровенных гардероба, письменный стол, парочка торшеров, кресло. Одну стену, естественно, занимают полки, забитые пыльными томами, на другой висят занавески, прикрывающие огромное окно. Уф! Очень надеюсь, что Павел Брыкин окажется нормальным человеком, а на Веру

Путинкову никто покушаться не станет.

Двенадцатого сентября около девяти вечера я, ощущая себя ездовой собакой, промчавшейся без остановки от Уральских гор до Владивостока, пыталась тонко нарезать лимон безнадежно тупым ножом.

В столовой было шумно, за большим овальным столом сидело не так уж много гостей. Прежде всего некая Светлана, ярко-рыжая, излишне чернобровая, обвешанная, как цыганка, золотом, и ее муж Константин, угрюмый, тщедушный мужчина, не сказавший за весь вечер и двух слов. Впрочем, вербальная пассивность мужа вполне компенсировалась супругой – Света говорила без умолку. Через час после начала обеда мне захотелось заглянуть ей в рот из-за навязчивого подозрения, что там умещается три языка. Во главе стола восседал Павел, ничем не примечательный внешне мужик. Таких индивидуумов можно часто встретить на улице, ну разве что рубашки у них подешевле и на запястье будут болтаться недорогие электронные часы, а не «будильник» стоимостью в иномарку. Похоже, именинник не очень хорошо себя чувствовал. Брыкин был бледен до синевы, под глазами у него чернели синяки, на лбу выскочило несколько прыщей. Он ничего не ел, на тарелке перед ним лежали пара листиков салата и одинокий помидор. Зато Вера Путинкова была красавицей. Стройная фигура, роскошные волосы цвета выдержанного коньяка, нежная кожа, родинка над верхней губой и

большие влажные карие глаза. В довершение ко всему от будущей госпожи Брыкиной приятно, но чересчур сильно пахло парфюмом, аромат очень понравился Григорию Селезневу.

Войдя в комнату, где кучковались гости, наш клиент повел носом и спросил.

– Что это здесь так благоухает?

Вера рассмеялась:

– О Гриша, какой комплимент! Наверное, я переборщила с духами?

– Небось дорогие купила, – выпустила ядовитое жало Света.

– Паша подарил, – пояснила Путинкова и вынула из сумочки пузырек – флакон в виде сердца.

– Дай посмотреть... – Светлана выхватила у Веры флакон, пшикнула себе на руку и скривилась: – Слишком сладкие!

– А мне нравится, – Селезнев бросился защищать невесту друга. Он отнял у Светы хрустальный флакон, направил распылитель на ярко-синий шарф, лежащий на плечах его жены, и нажал на головку.

– М-м-м... – простонал Григорий. – Кларочка, теперь ты источаешь неземной аромат!

Я посмотрела на жену Селезнева. Мало найдется женщин, которые стерпят откровенное восхищение мужа, адресованное другой даме. И меня бы взбесил душ из чужих духов. Григорий совершил большую бестактность. Очевидно, у ры-

жеволосой гостью в голове мелькнула та же мысль, потому что она с плохо скрытым злорадством уставилась на Клару. Но любимая жена Селезнева оказалась на высоте.

– Восхитительный запах, – сказала она, поправляя ярко-синий шелковый шарф, который щедро побрызгал муж. – Ваниль, можжевельник и, похоже, фруктовые нотки. Верочка, форма флакона случайная или...

Путинкова расплылась в улыбке.

– Или!

– Неужели? – всплеснула руками Клара. – Вот радость-то! В этом доме давно нужна хозяйка.

– Павел сделал тебе предложение? – без особого восторга в голосе осведомилась Света.

– Завтра отнесем заявление в загс, через месяц свадьба! – объявила Вера. – Сегодняшний вечер не только празднование дня рождения, но и помолвка. Павел мне кольцо подарил. Вот, старинное, его носила бабушка Паши.

– А у него была бабушка? – вдруг ухмыльнулась Светлана.

Стоявший по сию пору молча Константин дернул жену за руку.

– Сядем за стол, – коротко велел он, – я проголодался.

– Не вздумай наклюкаться! – вспыхнула супруга. – Имей в виду: нажрешься – домой не повезу.

– Да пошла ты... – протянул Константин.

Вера взяла его под руку и, поправляя алый бархатный палантин, попыталась погасить разгорающийся скандал.

– Костик, хочешь пирожок? Лика испекла с капустой! Лика, принесите, пожалуйста, пироги в столовую.

На секунду я растерялась. Потом сообразила, что Лика – это я, и кивнула:

– Сей момент.

Как праздник начнется, так он и пройдет. Через час я задумалась: ну что заставляет этих людей собираться за одним столом? Общей беседы не получилось. Исидор и Мотя, подняв по рюмке за счастье молодых, сели играть в шахматы. Светлана непрерывно шпыняла Константина, твердя:

– Прекрати пить! Хорош ханку жрать!

Ее супруг, несмотря на уже не юный возраст, очевидно, был в душе подростком, поэтому из духа противоречия вливал в себя спиртное бокалами. Когда Костю развезло, Вера отвела его в одну из гостевых комнат, а Светлана переключилась на свою дочь – тихую прыщавую девочку с круглым лицом, сидевшую с краю стола с книгой в руках.

– Васька! – рявкнула Света.

– Да, мама, – не отрываясь от тома, откликнулась та.

– Сядь прямо.

– Хорошо, мама.

– Выпрями спину.

– Да, мама.

– Не крути волосы.

– Хорошо, мама, – на автопилоте отвечала девочка, скорее всего, давно не обращавшая внимания на тычки Светы.

– Что ты читаешь?

– Да, мама, – привычно согласилась дочь.

– Васька! Посмотри на меня.

– Хорошо, мама.

– Чем ты так увлеклась? Что за книга?

– «История государства Российского».

– Где взяла?

– Сидя дал.

– Фу! В твоём возрасте надо думать о моде! Или о мальчиках!

– Да, мама.

– Сядь прямо! Васька!

– Как зовут девочку? – тихо спросила я у Клары.

– Василиса, – ответила любимая жена Григория. – Бедная детка! Она очень хорошая, умненькая, отлично учится. Да и Костя неплохой человек. Напивается он назло Свете. В их семье она деньги зарабатывает – владеет магазином, торгует книгами.

Я чуть не уронила чашку с чаем. Меньше всего крикливая мадам похожа на человека, который продает литературу, скорей уж ей подошло бы работать в тюрьме надзирателем.

Еще двое гостей – худенькая блондинка по имени Лена и полный парень Никита – были подчиненными Павла, они общались только между собой.

Притащив к столу очередной поднос с пирогами, я перевела дух и решила на секунду сгонять в свою спальню, чтобы

воспользоваться дезодорантом. Похоже, Сидя боится сквозняков, все окна в громадной квартире были задраены, и я вульгарно вспотела.

Попшикав на себя из баллончика, потянула дверь за ручку, но не успела ее открыть, как услышала из коридора тихий мужской голос.

– Да, Ваня, да, конечно. Ванечка, не стоит беспокоиться. Предоставь дело мне. Как всегда, разрулю ситуацию. Ты же знаешь, папа способен на все.

В ту же секунду у меня в носу защекотало, я оглушительно чихнула. Чтобы не выглядеть человеком, который исподтишка подслушивает чужие разговоры, я быстро вышла из спальни и увидела Григория с мобильником в руке.

– Напугала вас? – улыбнулась я. – Простите, чихнула как медведь и помешала разговаривать.

– Никогда не видел чихающего Топтыгина, – засмеялся Селезнев. – И я даже рад, что беседа прекратилась. С работы беспокоили, вечно там что-нибудь случается, ни на минуту нельзя офис оставить.

– Лика! – крикнула из гостиной Вера. – Сделайте еще чаю!

Я метнулась на кухню и стала наливать в эмалированного монстра воду. В это время боковым зрением я увидела, как из коридора входит Вера, одетая в черное платье и ярко-алый бархатный палантин.

– Минут через пятнадцать закипит, – пообещала я, водружая раритет на огонь.

– Мне захотелось кофе, – вдруг не своим голосом произнесла Вера. – Вы не волнуйтесь, я сама сварю.

– Клара! – удивилась я, поняв, что у плиты находится жена Григория. – Но вы же были в синем шарфе!

– Гриша брызнул на меня духами, – сказала она и взяла турку.

– Помню, – кивнула я.

Клара стала насыпать в джезvu молотую арабику.

– Муж такой ребячливый, – пустилась она в пояснения, – он сначала совершает поступок, а потом думает. У меня аллергия на некоторые запахи, в частности на ваниль.

– Сочувствую, – сказала я.

Клара поставила турку на слабое пламя.

– И на шарфе остались пятна от парфюма. Жаль, но они, наверное, не отстираются. А платье без рукавов, на плечи нужно что-нибудь набросить, я стесняюсь демонстрировать голые плечи.

– Я бы на вашем месте разозлилась!

Селезнева пожала плечами.

– А смысл? Мы поженились в студенческие времена, я уже много лет руковожу Гришей, стала ему и мамой, и другом! Муж очень хороший человек, но он слаб, ведом и слегка ленив. Но я успешно борюсь с его недостатками, у меня правило: нельзя быть занудной, замечания я делаю только по значительным поводам. Если постоянно орать, как Светлана, вас перестают воспринимать. Ну брызнул Гриша духами на

шарф, испортил вещь и обеспечил мне насморк, но ведь он не хотел навредить, просто не подумал. Зачем кулаками махать? Я даже шарф не сразу скинула, только что его в сумку сунула и попросила у Веры кофту, а она мне палантин отдала, сказала: «С черным шикарно смотрится!» Правда, мило с ее стороны? Заверила, что ей жарко и она давно собиралась остаться в одном платье. Вера прекрасно одевается, она сегодня тоже в черном, но ее наряд на порядок лучше моего.

– У Путинковой другие финансовые возможности, – решила я приободрить Клару.

Она кивнула.

– Вы правы, надо подавлять в себе зависть. Хотя мне не всегда удается справиться с этим разрушающим душу чувством. Мы с Верой похожи и ростом, и фигурой, даже цветом волос. Но, мне кажется, ее платье сидело бы на мне лучше. Это нехорошо! Давайте налью вам кофе, я сварила на двоих. Гриша говорит, что я делаю вкусный напиток.

– Вот ты где! – обрадовался Селезнев, влетев на кухню. – М-м-м, пахнет кофе? Надеюсь, милая, его варила ты? Лампа, вы должны это попробовать. Клара готовит восхитительную, феноменальную амброзию! Впрочем, она все делает безукоризненно, господь послал мне лучшую жену на свете.

– Ой, перестань, – отмахнулась Клара, – я самая обычная.

– Нет! – с жаром воскликнул Григорий и, притянув супругу к себе, похлопал ее по попе.

– Гриша, – покраснела Клара, – что с тобой? Это уж слиш-

ком. Простите, Лампа. Он, кстати, зовет вас Ликой даже наедине со мной! Извините мужа, раньше он никогда не позволял себе...

– А что я сделал? – ухмыльнулся Гриша. – Ты же у меня такая красивая! Или после многих лет брака муж уже не должен хотеть жену?

Лицо Клары превратилось в бордовую маску. Мне стало неудобно, я быстро сделала глоток и сказала:

– Кофе потрясающий.

Гриша потянул Клару за руку:

– Пошли.

– Куда? – сопротивлялась она.

– Ну... в ванную.

– Зачем?

– У меня... э... галстук развязался.

– Гриша! Ты пьян! – заметила Клара. – Дорогой, ты забыл о своем повышенном давлении!

И тут Григорий, схватив Клару в охапку, буквально вынес ее в коридор, приговаривая:

– Точно! Давление! Его необходимо понизить! Я знаю чудесный способ!

Я осталась на кухне, пытаюсь привести мысли в порядок. Похоже, в семье Селезневых до сих пор царит медовый месяц. Гриша не только считает жену самой умной, она для него желанная женщина, а кофе, сваренный ею, самый лучший. Хотя, поверьте мне, Клара приготовила напиток весьма

среднего качества – слишком сладкий и не крепкий.

– Лика, чай готов? – донесся до меня голос Веры.

Я подхватила чайник, потащила его в столовую и снова стала свидетельницей зудежа Светланы, односложных ответов Василисы и веселой перебранки Исидора с Матвеем. Следить за окружающими было трудно – Вера считала меня настоящей домработницей, поэтому гоняла в хвост и в гриву. Я без конца бегала туда-сюда по коридору и в какой-то момент достала из... шкафа маленькие чашки, рассчитанные под эспрессо.

– Нет, для кофе предназначен серебряный сервиз, – заявила невеста. – Сейчас я сама его принесу! Лика, пока достаньте из холодильника торт. Свечи приготовлены, но без меня их не зажигайте!

Оставив после себя облачко едкого аромата, Вера направилась в глубь квартиры, а я занялась сладким.

– Наверное, я покажусь вам обжорой, – сказал Селезнев, входя на кухню, – но мне очень хочется бутерброда с колбаской.

– Нет ничего проще, – улыбнулась я, – вон на блюде нарезка. Я унесла из гостиной мясное, потому что велели чай подавать.

– Отлично, – потер руки Гриша. – А где хлеб?

– В пакете, на окне, – ответила Вера, появляясь на пороге.

– Там ничего нет, – сказал Григорий.

– Не может быть! – поразились невеста. – Я купила десять

батонов! Неужели все съели?

– Похоже, что да, – ответил Гриша.

– Лика, – тут же распорядилась Путинкова, – беги в булочную. Вдруг еще кто-то сэндвич захочет?

– А где здесь магазин? – спросила я.

– Лучше я схожу, – улыбнулся Селезнев.

– Ты гость, а она прислуга, – заявила Вера.

– Лика еще не знает окрестности, – возразил Гриша, – от нее будет больше пользы на кухне. Я живо смотаюсь. Уже убежал!

Помахав нам рукой, муж Клары удалился, я продолжала нарезать торт.

– Верушка, – спросил Павел, показываясь на пороге, – а где фрукты?

– На столе, – ответила та, взяв поднос с чашками, ложками и розетками.

– Но там нет моих любимых абрикосов... – как-то очень по-детски расстроился Павел. – Я же только их и ем!

– О черт! – закатила глаза Путинкова. – Забыла купить! Милый, извини, впервые запамятовала! Ты же не дуешься?

– Нет, – ответил Павел.

– Спасибо, больше никогда не совершу такой ошибки, – прощбетала Вера и ушла в гостиную.

– Простите, вас Ликой зовут? – спросил Павел, вытирая платком пот со лба.

– Да-да, – закивала я, похоже, у хозяина нелады со здоро-

вьем, он бледный как смерть.

– Жаль, что абрикосов нет, – вздохнул он. – Но это и правда единственные фрукты, которые я ем. Меня от них никогда не тошнит, поэтому они у нас всегда на столе. А сегодня, увы, отсутствуют.

Брыкин повернулся к двери, сделал пару шагов, обернулся и сказал:

– Вы печете замечательные пироги!

– Спасибо, могу вас научить, – не подумав, ляпнула я.

Бизнесмен засмеялся:

– Ну уж нет! Лучше жевать готовые, хотя сегодня у меня совсем нет аппетита.

Я проводила Брыкина взглядом. Кто бы спорил, намного приятнее, когда тебе все подают, готовить лучше под настроение, а не по обязанности. Но мне предстоит еще заняться грязной посудой, лучше не отвлекаться!

Минут десять я терла губкой тарелки, потом решила передохнуть и села.

– А-а-а-а... – заорали издалека. – А-а-а-а! Помогите! Люди! Кто-нибудь!

Забыв обо всем, я ринулась на звук. Вопль несся из той части квартиры, которую мне пока изучить не удалось. Поэтому я сначала завернула в какую-то кладовку, забитую старыми коробками, потом кинулась в обратном направлении и влетела в библиотеку.

У стены, прижавшись к книжным полкам, тряслась Лена,

сотрудница Павла. По ее лицу бежали слезы, перемешанные с тушью, яркая помада переместилась на рукав белой блузки, а румяна размазались по щекам.

– А-а-а! – выводила Лена.

– Что случилось? – воскликнула я и тут же увидела лежащую ничком фигурку в черном платье и ярко-красном бархатном палантине.

– Вера! – не по-мужски взвизгнул Павел, выныривая из проема двери. – Вера! Что с тобой? Вставай!

– Вау! – заорала Света, влетевшая следом. – Верка нажралась! Пьяная невеста – позор семьи.

– Заткни хлебало, – рявкнул Константин.

– Ой, мама! – откровенно испугался Никита, прибежавший в библиотеку. – Вызовите «Скорую»!

– Врач уже не поможет, – тихо сказал вошедший Сидя. Все уставились на него.

– Живой человек ни за что не сумеет так вывернуть руки, – добавил Мотя, выглядывая из-за его плеча и сжимая в кулаке ферзя.

– Вера... – прошептал, хватаясь за сердце, Брыкин. – Нет! Нет!

– Что «нет»? – спросил женский голос, и в комнату вошла Вера. – О боже! Ей плохо! Что вы стоите? Скорей врача! Где телефон?

– Ты жива! – эгоистично обрадовался Павел. – Вот счастье, а я... увидел палантин... и решил... подумал...

– Если Верка тут, то кто на полу? – спросил внезапно протрезвевший Константин.

Мотя присел на корточки и осторожно перевернул тело. Широко раскрытые глаза Клары смотрели в потолок.

Все замерли. И тут в прихожей резко прозвучал звонок.

– Откройте, – велел мне Павел.

Я побежала в прихожую, распахнула незапертую входную дверь и увидела Григория с длинным батоном в руке.

– «Нарезного» нет, – бойко отрапортовал он. – В две булочные сбегал, нашел только какой-то французский багет, но ведь это лучше, чем ничего. Кларочка! Где моя любимая жена Клара?

– В библиотеке, – ляпнула я. И тут же опомнилась: – Гриша, стойте! Пойдемте-ка на кухню, сделаю вам бутерброд.

– Клара лучше приготовит, – отказался Селезнев и пошел прямо по коридору.

– Не ходите туда! – закричала я и ринулась вдогонку за ним. Но, как назло, запнулась о пуфик и чуть не упала.

Григорий тем временем вошел в библиотеку, я поспешила за ним.

Тело лежало на полу в том же месте и в той же позе, на спине.

– Клара... – еле слышно прошептал Гриша. – Моя любимая жена... Что с ней?

– Все в порядке, – не растерялся Павел, – она просто устала. Пошли!

– Куда? – пролепетал Гриша.

– В столовую, – решительно заявил Брыкин.

– А моя Клара? – цеплялся за дверь Григорий.

– Ее положат на диван, – пообещал бизнесмен и вывел
приятеля из спальни.

Глава 5

«Скорая помощь» прибыла раньше милиции.

– Что у вас? – мрачно спросила девушка в синей форменной куртке. И, не дожидаясь моего ответа, добавила: – Если пьяный, то мы не похмельщики.

– Пойдемте со мной, – попросила я, – по коридору налево, сюда... ой, простите, это не та комната, нам чуть дальше.

– Хотел бы я такую квартиру иметь, чтобы в ней путаться, – громко заявил мужчина лет сорока, сопровождавший юною врачиху.

Мне почему-то стало неудобно, я принялась оправдываться:

– Я служу здесь первый день домработницей, никак не разберусь в местной топографии.

– Прикольно, – не успокаивался медбрат. – А мы всемером в двушке ютимся! В дурдоме и то спокойнее.

– Михаил Львович, замолчите, – велела девушка.

– Есть, Анна Сергеевна! – изобразил он послушание. – Вы доктор, а я так, пристяжной осел.

Наверное, Анна Сергеевна недавно работала на «Скорой», потому что, увидев Клару, она откровенно испугалась и спросила у Михаила Львовича:

– Что делать?

Медбрат присел на корточки, осмотрел тело и спросил:

– Переворачивали?

– Да, – подтвердила я.

– А не надо было! До прихода милиции не следовало ничего трогать!

– Знаю, – кивнула я, – но все подумали, вдруг она жива – искусственное дыхание там сделать...

– Ну-ну, – кивнул медбрат. – При первом осмотре следов насильственной смерти не замечено, но в подобных случаях всегда делают вскрытие. Ментов вызвали?

– Они уже едут, – заявила я.

– Зачем нам звонили, если больная – труп? – возмутилась Анна Сергеевна, жавшаяся в сторонке.

Я развела руками:

– Сработал автопилот – пришла беда, набирай ноль-два и ноль-три.

– Хорошо хоть к пожарным не обратились. – Михаил Львович выпрямился. – Ничего не трогайте – и избавите себя от неприятностей. Похоже на несчастный случай.

– А как вы это определили? – пропищала Анна Сергеевна.

– Вокруг посмотрел, – пояснил медбрат. – Труп в туфлях на каблуке, к одной подметке прилипла раздавленная абрикосина. У вас гости?

– Верно, – согласилась я. И, не удержавшись, добавила: – Вам нужно работать следователем. Как вы догадались про вечеринку?

– Шум из комнат доносится, умершая в вечернем платье

и на шпильках, — изложил свои наблюдения Михаил Львович. — Наступила на абрикос, поскользнулась и упала!

— Могла и встать, — пробормотала я.

Медбрат вытащил из кармана резиновые перчатки, ловко натянул их, осторожно пощупал шею Клары и констатировал:

— Сломана. Не повезло женщине. Видимо, она, когда падала, вон о того идола треснулась. Видите фигурки на полу?

— Верно, — опешила Анна. — Зачем они тут?

Я посмотрела на двух драконов, очевидно, привезенных из Китая, — монстры находились в сантиметре от головы погибшей. Это была, так сказать, скульптурная группа: один урод тащит на веревке другого. Никакой настоящей бечевки, конечно, нет, чудовищ соединяет толстая проволока.

— Некрасивая и опасная вещь, — не успокаивалась врач.

— В доме полно подобного хлама, — ответила я. — Пожалуйста, пройдите в столовую.

— Не откажемся от чая, — обрадовался Михаил Львович. — И по паре бутербродов с удовольствием примем!

— Говорите только за себя! — фыркнула врач. — Я не ем на выездах!

— Ниче, через полгода поговорим про аппетит, — хмыкнул в ответ Михаил Львович.

Меня покорила их перебранка и полнейшее равнодушие к умершей, наверное, поэтому я слишком резко оборвала медиков:

– Могу предложить вашей бригаде и кофе, и бутерброды, но в столовую я звала вас для оказания помощи – туда отвели мужа погибшей. Похоже, ему плохо!

– Понятно, – нахмурилась Анна. – Михаил Львович, живее!

Медбрат саркастически ухмыльнулся, но послушался. Не успели они проследовать в комнату, как в квартире появилась милиция.

– Опять влипла в историю? – тихо спросил у меня Костин, шествуя по темному коридору.

– Поэтому и позвонила тебе, – понизив голос, ответила я. – Клару убили, я знаю это абсолютно точно.

– Изложи подробности, – приказал Вовка, когда мы очутились в библиотеке.

Я быстро рассказала о визите Григория в наше агентство и предупредила:

– Здесь меня знают как Альбину Мартышкину.

– Прикольно, – хохотнул Костин.

– То есть нет, как Анжелику Макакину!

– Еще круче, – сказал майор и спросил у судмедэксперта: – Дима, что скажешь?

– Пока ничего, – последовал ответ.

– Ее убили! – стояла я на своем. – Не верю ни в какие легенды о проклятии, тут действовал обычный человек, не потусторонняя сила. Скорее всего, кто-то из окружения Павла не хочет, чтобы он женился. И, учитывая историю его преды-

дущих браков, этот тип уже очень давно не желает видеть бизнесмена окольцованным. Думаю, убийца сейчас сидит в столовой.

Вовка потер затылок:

– Позволь напомнить тебе, что погибла Клара!

– Верно, но напали на Веру. Преступник просто перепутал женщин. Жена Григория накинула приметный ярко-красный палантин невесты. Ее муж, наивная чебурашка, побрызгал на шарф супруги чужими духами с резким ароматом ванили, у Клары началась аллергическая реакция, да еще на синем шелке остались пятна. Селезнева сняла испорченный шарф и попросила у Веры какую-нибудь кофту, а та отдала ей свою накидку. Кларе очень нравилась манера Веры одеваться, она мне прямо сказала о своей зависти к дорогим вещам, которые носит будущая мадам Брыкина, вот Селезнева и не устояла, надела Верин палантин. Преступник элементарно обознался. Дамы похожи внешне – обе хрупкие, темноволосые, в черных платьях, а в комнатах здесь царит полумрак, поэтому и произошла ошибка.

– Интересная версия, – согласился Вовка.

– Теперь туфли!

– А с ними что?

– Откуда взялся абрикос?

– Валялся на полу, – предположил Костин.

– В библиотеке?

– Почему бы нет? Вероятно, кто-то его уронил, – майор

не видел в ситуации ничего необычного.

– На столе среди других фруктов их не было, забыли купить. Думаю, дело обстояло иначе! – возбудилась я. – Убийца поджидал жертву в этой комнате, наверное, спрятался за дверь. Она вошла, распахнувшаяся створка скрыла негодяя, тот осторожно, на цыпочках, выбрался из-за нее и изо всей силы толкнул даму, Клара не устояла на каблуках и упала прямо на железную скульптуру. Чтобы создать видимость несчастного случая, преступник наклеил на подошву убитой абрикос (он знал, что их всегда покупают к столу, а про сегодняшний промах не ведал) и ушел. Вера сегодня на моих глазах выпила несколько бокалов вина, а слегка опьяневшая дама нетвердо стоит на шпильках. Кстати, Клара тоже пила шампанское.

– Кто нашел тело? – спросил Вовка.

– Я услышала крик, прибежала на звук и увидела Лену, сотрудницу Брыкина. Она стояла вот тут почти в невменяемом состоянии.

– Обнаруживший труп моментально попадает под подозрение, – протянул Костин, – это классика жанра. Она сама убила, потом завизжала, позвала на помощь!

– Пустите! – донеслось из коридора. – Там моя жена Клара!

– Нельзя, – ответил незнакомый хриплый голос.

– Там моя Клара! Я принес хлеб! Где моя любимая жена?

– Уведите его!

– Гришенька, пойдем! – вклинилось тихое сопрано.

– Там моя Клара! Нам пора домой, я без нее не уйду! – твердил Селезнев.

– Ты останешься у нас.

– Нет, хочу домой с Кларой! Я только что принес хлеб, а теперь нам пора к себе.

– Лика, Лика! Куда же она подевалась? Лика! – закричал женский голос.

– Меня зовут, – шепнула я Костину. – Сделаем так: я буду по-прежнему исполнять обязанности прислуги, поживу в доме, авось что-то выясню. И кто-то же должен присмотреть за Верой! Ей грозит нешуточная опасность.

– Лика! Лика! – надрывалась женщина.

Я побежала к двери, вышла в коридор и сказала Вере:

– Простите, меня милиция допрашивала.

– А почему они решили с тебя начать? – с подозрением осведомилась Светлана, стоявшая чуть поодаль от хозяйки.

– Не знаю, – прикинулась я душой. – Открыла дверь, а там менты, они велели их сюда проводить.

– И что ты им наболтала? – не успокаивалась Света.

– Ну... как все закричали и нашли в библиотеке Клару...

– Не стоит терзать Лику, – нервно заявила Вера, – она тут ни при чем. Идите, постелите в гостевой, надо уложить Григория.

– А ты не командуй! – внезапно взвилась Света. – Нашлась тут хозяйка... Не таких отсюда выносили! Вперед ногами!

Вера изумленно заморгала:

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не знаешь? – ухмыльнулась Света.

– Нет, – растерялась невеста Брыкина.

В глазах Светланы мелькнуло удивление.

– Пашка тебе ничего не рассказал?

– О чем? – недоумевала Вера.

Гостья расхохоталась.

– Ну и ну! Интересно, на что он рассчитывал? Неужели полагал, что правда наружу не выйдет?

Я решила немедленно пресечь опасную беседу.

– Простите, Вера, я только вышла на работу и не знаю, где расположена гостевая. Покажите, пожалуйста.

– Ну да, ну да, – опомнилась Путинкова. – Здесь три коридора, вам нужен крайний левый, в правом находятся спальни хозяев, а в среднем, где мы сейчас, общие помещения.

– А, ты уже знаешь, где спальня Павла, – ехидно протянула Света. – Шустрая! Так порасспроси жениха о его семье... Задай, например, вопрос, кем ему Исидор доводится.

– Сидя – дядя Павла, – ответила Вера. – Очень милый старичок, мы давно знакомы. С Мотей я тоже часто встречаюсь. И Гришу с Кларой видела. А вот вас сегодня впервые...

Завершить фразу ей не удалось. Светлана, не принимая во внимание, что за дверью, в одном шаге от нас, лежит труп, вновь захохотала в голос.

– Дядя! Ой, не могу! Хорошо хоть тетей его не предста-

вил! Паша и впрямь думал, что до тебя правда не дойдет? Или решил, что после свадьбы жена рыпаться не станет? Значит, и Сидя с Мотей молчали?

Я схватила Веру за плечи.

– Григория надо безотлагательно уложить, ему плохо! Пожалуйста, проводите меня в гостевую.

Но Вера сбросила мою руку, ее щеки покраснели.

– О чем молчали Исидор и Матвей? – спросила она у страшно довольной Светланы.

– Не смейте отвечать! – ляпнула я. – Павел вам этого не простит!

Но рыжеволосая мегера не обратила ни малейшего внимания на слова домработницы.

– Сидя – бывший тесть Павла, – злорадно заявила она.

– Кто? – попяtilась Вера.

– Отец его жены. Ксения умерла. И, между прочим, Паша уже трижды вдовец, Алена с Жанкой тоже тапки отбросили. И тебя та же участь ждет! – каркала Света.

– Меня? – Вера в ужасе прижала руки к груди. – За что?

– Проклятие!

– Что? – пролепетала девушка.

– На семью Брыкиных наложено проклятие, – неожиданно без ехидства заговорила Света. – Все Пашины жены помрут, но сам он долго проживет и скончается бездетным. Да ты поговори с женихом, он правду тебе и откроет! Ох, неспроста Кларка в день помолвки откинулась! Нехорошее предзнаме-

нование! Дурная примета! Знак свыше, предупреждение тебе! Уноси, Верочка, отсюда ноги, пока жива!

Девушка секунду стояла неподвижно, потом закашлялась, схватилась рукой за горло и, спотыкаясь, убежала. Я бросилась за Верой с воплем:

– Погодите!

Но Путинкова намного лучше меня ориентировалась в лабиринте комнат. Она вдруг прыгнула в стенной шкаф, я последовала ее примеру и... остановилась. Это был не шкаф, а вход в небольшой холл, из которого вела еще одна дверь. Мои руки толкнули ее, в нос ударил запах сырости и кошачьей мочи, я увидела лестницу. Крайне удивленная, я спустилась на четыре ступеньки, обнаружила еще одну дверь, отворила ее и очутилась в пустынном захламленном дворе.

Озадаченная своим открытием, я вернулась в квартиру, нашла Вовку и шепнула ему:

– В апартаментах есть черный ход!

– Знаю, – ответил Костин, – хозяин рассказал. И, что самое интересное, его никто не запирает.

– Входная дверь у них тоже нараспашку, – вздохнула я. – Значит, сюда мог незаметно пробраться посторонний. Может, он и до сих пор тут!

– Нет, это маловероятно, – успокоил меня Вовка, – давай не будем поднимать панику.

Только к часу ночи я наконец-то справилась с горой грязных тарелок. Естественно, посудомоечной машины в доме

не было, пришлось орудовать губкой и мылом. Мылом – в прямом смысле этого слова! На краю раковины лежал липкий брусок, бутылочки с современным моющим средством не было. Если учесть возраст умершей Олимпиады, то совсем неудивительно, что старушка мыла плошки по старинке. Еще хорошо, что она приобрела симпатичную губку, а не пользовалась старым чулком!

Устав до отупения, я доплелась до своей спальни и поняла, что не могу лечь спать, не приняв душ. Слава богу, я уже знала, где находится громадная ванная, по размерам напоминающая плац для воинских парадов. Прихватив небольшое вафельное полотенце (похоже, других в доме у Брыкиных не существует), я вошла в круглое, обложенное кафелем от пола до потолка помещение и протяжно вздохнула. Ну как можно мыться в подобных условиях?

Сама ванна оказалась очень глубокой, никакой пластиковой занавески и ковриков тут в помине не было, отсутствовал и полотенцесушитель. На стене с пожелтевшей от времени плиткой красовалось штук десять пластиковых крючков, на них висели самые разнообразные вещи: резиновая клизма, здоровенные деревянные щипцы, три грязные тряпки, ситцевые «семейные» трусы и соломенная шляпа. Может, Исидор или Павел водружают ее на голову, когда становятся под душ? Прикрывают макушку, зажмуриваются и воображают, будто находятся на море? И еще. Вот скажите, пожалуйста, зачем тут, напротив рукомойника, висит картина,

написанная маслом? Неужели обитатели квартиры, абсолютно равнодушные к чистоте и порядку, решили украсить свою «баню»? Если так, то они выбрали совершенно неуместный сюжет: освежеванная тушка кролика в руках мясника отнюдь не радует глаз и не располагает к расслаблению. Впрочем, наслаждаться водными процедурами в потемневшей от времени ванной как-то не очень-то и хочется, здесь холодно и противно.

Быстро ополоснувшись, я кое-как вытерлась вафельным полотенцем и услышала приглушенные голоса. Тут что, в каком-то углу работает радио?

Я осмотрелась по сторонам, задрала голову. Нет, приемника не видно. Так откуда доносятся звуки? Можно даже разобрать отдельные слова. Вот сейчас мужчина говорит: «Бу-бу-бу... не хотел». И снова: «Бу-бу-бу...» А ему отвечает женщина: «Бу-бу-бу... врать... бу-бу-бу...»

Страшно заинтригованная происходящим, я наострила уши и пришла в еще большее изумление. Звук шел от... картины.

Глава 6

Ежась от холода, я приблизилась к ужасному «натюрморту», сдвинула его в сторону, увидела на стене небольшое отверстие и, привстав на цыпочки, приникла к нему глазом.

Взору открылась часть какой-то комнаты. Прямо напротив стоял Павел, который гневно говорил:

– Хватит! Ты и так много получила!

– Согласись, мне положено больше, – ответила невидимая женщина. Ее голос показался мне знакомым. Но она говорила тихо, находилась чуть в стороне, и оставалось лишь гадать, знаю ли я ее или мне только кажется.

– Шантажистка!

– Мне нужны деньги.

– Вот и зарабатывай!

– Не себе же прошу!

– Да ну?

– Вспомни о Пелагее Андреевне.

– Мне на нее насрать! – заорал Брыкин.

– Тише, – шикнула тетка, – еще разбудишь кого.

– Боишься? – пошел в атаку бизнесмен.

– Я? Нет, опасаться следует тебе, – тихо засмеялась незнакомка. – Вдруг правда вылезет наружу? Вот прикольно получится... Ты потеряешь все!

– Сколько? – мрачно поинтересовался Павел.

– Как всегда.

– «Как всегда» я уже заплатил первого числа.

– Пелагея заболела.

– И что?

– Я должна поместить ее в больницу.

– В нашей стране медицина бесплатная!

Женщина издала короткий смешок.

– Это результат общения с Исидором или резкое отупение в преддверии женитьбы? Пелагею по возрасту и состоянию здоровья в муниципальную клинику не возьмут!

– Это твоя проблема!

– Но она быстро станет твоей, если Пелагея Андреевна начнет болтать. А старухи ох как говорливы... – В тихом голосе тетки прозвучала угроза.

– Ладно, – вдруг согласился Брыкин, – сейчас.

Павел исчез из поля зрения, но его голос я по-прежнему слышала.

– В долларах или в евро? – спросил он.

– Лучше в рублях.

Раздался противный скрип... Такой звук издают ржавые петли древних ворот. Очевидно, неизвестной даме услышанное тоже пришлось не по вкусу.

– Почему бы тебе не купить современный сейф? – недовольно спросила она.

– Исидору не нравится электроника.

– Не ему же ей пользоваться.

– Какое тебе дело?

– Просто интересно. Имеешь столько бабок, а живешь в помойке.

– Квартира принадлежит Сиде, он не хочет никаких изменений. Получила свое – и проваливай.

– Не груби.

– А ты не лезь в чужую жизнь.

– Считаешь меня посторонней? Вот уж глупо. Ну ладно, пока.

– Стой! – окликнул собеседницу Павел.

– Ну?

– Куда ты устроишь Пелагею?

– Она уже в палате.

– Ты обманула?

– Кого?

– Меня. Сказала, денег нет, а бабка уже в клинике!

– Мне предъявили счет. Я его из своих денег оплатила.

– А где квитанция?

– Тебе-то она зачем?

– Покажи!

– Пожалуйста...

– Эй, эй!

– Что теперь?

– Здесь указана сумма меньше, чем ты потребовала. Так я и знал! Обманщица!

– Идиот! Пелагее надо фрукты покупать, творог на рынке,

соки. Опять же медсестрам заплатить нужно, чтобы хорошо за ней смотрели.

– С ума сошла?

– Ты сегодня особенно приветлив! – взвилась женщина. –

Что ни слово – комплимент!

– Куда сунула бабуку?

– Там написано.

– Вижу – клиника доктора Сейфуллина.

– И что?

– Самое дорогое заведение в Москве!

– Вовсе нет.

– Я знаю! – заорал Павел. – Там лежала Катя Фирсова! За каким дьяволом старухе одноместная палата?

– Хочешь, чтобы бабка начала с соседями болтать? Мне ради сохранения тайны денег не жалко.

– Моих.

– Что?

– Моих денег тебе не жаль. Нахалка!

– Ну я пошла, – стойко отреагировала собеседница, – спи спокойно!

– Спасибо, – язвительно откликнулся Брыкин. – Благодаря тебе я абсолютно лишился покоя.

– Если будешь считать овец парами, задрыхнешь в два раза быстрее, – не осталась в долгу дама.

До меня донеслось шуршание, я поняла, что так и не увиденная мною тетка сейчас направится в прихожую, и хотела

выбежать из ванной, но тут Павел резко произнес:

– Я узнаю, кто убил Клару! Я... я...

– Что? – раздалось в ответ.

Брыкин молчал.

– Ничего, – констатировала дама. – Да, кстати, запомни. мое здоровье – твоя главная забота. Если, упаси господь, хоть одна ресничка упадет с моего глаза, газета «Желтуха» получит эксклюзивный материал! В особенности им понравится легенда о проклятии. А Пелагея-то живехонька! И бабушка с удовольствием все расскажет. Она-то все знает!

– Сука! – коротко сказал Павел.

Женщина тихо засмеялась.

– И я тебя люблю, милый. А странно, что все они умирают. Интересно, при чем здесь Клара?

– Ни при чем, – буркнул Павел.

– Ты прав! Бедная Кларка ни при чем, убить хотели Веру. Клара – случайная жертва. А Верочке грозит опасность. Как думаешь, что с ней будет?

– Отстань! – зашипел Брыкин.

– Лучше откажись от свадьбы, – настаивала тетка. – Если, конечно, ты и впрямь хотел жениться.

– А не твоих ли это рук дело? – вдруг спросил Павел.

– Пожалуй, мне пора. Черт, тесно-то как! – воскликнула незнакомка.

– Ничего, пролезешь.

– Понаставил дерьма в спальне...

– Жрать меньше надо. На безденежье жалуешься, а с каждым месяцем все толще становишься.

– С голоду пухну, – ответила тетка. Теперь ее голос звучал тише и глуше.

Забыв про домашние тапочки, я кинулась в коридор, быстро добежала до прихожей и затаилась в нише между шкафом и галошницей. Сейчас незнакомка выйдет в холл, откроет входную дверь, свет с лестничной клетки упадет на ее лицо или осветит фигуру. Я непременно увижу хоть что-нибудь: волосы, одежду...

Минуты текли, мне стало холодно, босые ноги замерзли, тонкий халат не защищал тело от сквозняка, мокрые волосы не хотели сохнуть. В конце концов я начала клацать зубами и трястись, как щенок, попавший под ливень.

Внезапно на ноги уселось что-то мягкое, теплое. Я опустила глаза вниз – кошка! Оказывается, в доме есть животное. Хотя, если учесть амбре в прихожей, чему тут удивляться. Киска, очевидно, не любит шум и гостей, вот и забилась подальше, а сейчас выбралась из своего укрытия.

Ступням стало мокро, я пошевелила пальцами. Киса, коротко мяукнув, испарилась, я почувствовала омерзительный запах. Из груди вырвался тихий стон. Тяжела и неказиста... нет, не жизнь эстрадного артиста, как говорится в известной присказке, а судьба частного детектива. Конечно, бесконечные гастроли с ночевками в провинциальных гостиницах, где вольготно чувствуют себя тараканы и клопы, нико-

го не обрадуют, но поп-исполнителю не нужно сидеть в засаде, и на него не пописает кошка! Теперь мне придется снова идти в неудобную ванную и принимать душ. Хотя во всем плохом есть хорошее. Что, спросите вы, хорошего в том, что меня обгадила киса? Отвечу: зато мои босые ноги временно согрелись!

Я вжалась в стену и попыталась систематизировать полученные сведения.

Клару убил явно не Павел. Ему не было никакого смысла охотиться на Веру и уж тем более лишать ее жизни в собственной квартире.

Из списка подозреваемых нужно вычеркнуть и Григория. Он ведь нанял меня для того, чтобы обеспечить безопасность невесты. Очень глупо оплачивать услуги детектива, а потом «убирать» объект, который находится под пристальным наблюдением. Я сегодня старалась не сводить с Веры глаз. Правда, у меня не всегда это получалось, но Григорий-то знал: за Путинковой присматривают. К тому же Селезнева в момент преступления в квартире не было – он ходил за хлебом, а вернулся уже после того, как нашли труп. Я сама открыла ему дверь.

Кто остается? Исидор? Дед категорически не похож на убийцу. Как, впрочем, и его закадычный друг Матвей. Оба старичка не покидали гостиную, они поели и сели сражаться в шахматы, не обращая никакого внимания на окружающих. Думаю, их тоже можно сбросить со счетов. Основные подо-

зреваемые – Светлана, Константин, Лена и Никита. Дочку Светы и Кости не стоит принимать в расчет: если наши с Ниной размышления верны и предыдущие жены бизнесмена погибли от руки одного и того же убийцы, то прежние преступления совершены, когда Василиса была совсем маленькой.

Ноги снова стали коченеть, я поежилась. Самый интересный для меня человек – женщина, которая находилась в спальне Павла. Кто она? Я так и не узнала ее голос, хоть и обладаю острым слухом профессионального музыканта. Светлана? Может, Лена? Сотрудница Брыкина, с которой я и десяти слов за весь вечер не сказала? И, кстати, почему таинственная незнакомка до сих пор не появилась в прихожей? Не могла же она испариться как ведьма, через каминную трубу – в квартире нет очага с дымоходом.

Внезапно мне стало жарко. «Лампа, ты редкостная идиотка!» – обругала я себя. Черная лестница! Загадочная мадам воспользовалась запасным выходом и сейчас уже далеко от квартиры Брыкина. Госпожа Евлампия Романова может хоть до утра стоять босиком в луже кошачьей мочи, никто в прихожей не появится. В дом можно незаметно войти, и его нетрудно тайком покинуть. В кабинете мог быть кто угодно, совсем необязательно, что таинственная дама – гостья...

Проклиная себя за тупость, я вышла из укрытия и отправилась в ванную. Но больше всего мне хотелось войти в спальню к Павлу и напрямик спросить: «С кем вы только что

беседовали? Кому платите деньги? За что? Если у вас есть предположение относительно личности убийцы, то почему не поделитесь им с милицией?»

Только ответит ли Брыкин честно? Ох, боюсь, он просто выставит нахалку Лику вон. Нет, мне следует и дальше изображать домработницу, тогда я узнаю много интересного...

Уже выйдя из душа и вытираясь тем же вконец мокрым вафельным полотенцем, я вдруг сообразила, каким образом можно найти таинственную незнакомку. Мысль была настолько гениальной, что я запрыгала от радости на выщербленной желтой плитке, чуть ли не ровеснице большевистского переворота тысяча девятьсот семнадцатого года. Больница доктора Сейфуллина! Туда поместили пожилую женщину по имени Пелагея Андреевна, осталось лишь уточнить фамилию той, что оплатила лечение, и никаких проблем! Восхищенная собственным умом, я вернулась в свою спальню, залезла на высокую кровать, завернулась в тонкое одеяло, подтянула колени к носу и в одночасье заснула.

Утро началось с громкого вопля.

– Липа! Ты где, Липа? Или нет... Лика, Лика!

Я вскочила, быстро натянула джинсы и футболку и побежала на крик.

– Ну наконец-то, – недовольно сказал Исидор. – Тебя не дозовешься! Где пропадала?

– Простите, очень крепко заснула, – принялась я оправ-

дываться. – Вам подать завтрак?

– Уже поел, – отмахнулся Сидя.

– А чем полакомились? – спросила я.

– Не помню, – ответил дед. – Неважно! Погладь костюм, парадный. У меня заседание в Академии, в десять надо выехать.

– За вами придет машина? – уточнила я.

– Какая еще машина? – удивился Сидя.

– Ваша.

– У меня нет автомобиля!

– А как вы отправитесь в Академию?

– На метро, – пожал плечами Исидор.

– Так лучше я вас отвезу!

– На чем? – вовсе не обрадовался Исидор.

– На своей «букашке», – улыбнулась я. – Надеюсь, вы не побоитесь сесть в малолитражку?

– Ну-ну... – проскрипел он. – А Мотя туда влезет?

– Постараемся и его разместить, – пообещала я.

– Костюм в шкафу, – сказал Исидор, – и рубашка там же.

Гардероб в моей спальне, третья дверь справа. Утюг на кухне, вон он, на подоконнике.

Я сбегала в его комнату и нашла в шкафу одну пиджачную пару доисторического периода. Там же висела и белая рубашка с пуговицами из настоящего перламутра. Я замерла, увидев ее. Такая же была у моего отца, он очень любил эту вещь.

– Ну? Долго еще ждать? – поторопил меня академик, входя в комнату. – На сорочку любишься? Да, умели раньше вещи шить! В тысяча девятьсот... не помню каком году нам эти рубашки на конференции выдали.

– Мой папа носил похожую, – некстати вырвалось у меня.

– Он работал на оборону? – оживился Исидор.

Я замялась. Стоит ли сообщать ему, что у «домработницы» был отец-профессор, генерал, занимавшийся ракетами? Дед начнет интересоваться, задавать вопросы...

– Нет, – покачала я головой, – отец служил... э... шофером у высокопоставленного лица.

– А как его звали? – задал ожидаемый вопрос математик.

Я, успев забыть, какое отчество указано в чужом паспорте, постаралась перевести беседу на другую тему:

– Простите, а где утюг?

– Я ведь говорил: в кухне на подоконнике, – отрапортовал Сидя, – экая ты беспамятная!

Мы вернулась в кухню, я ахнула.

– Но это же не электрический утюг, а чугунный!

– И что? – вздернул брови Исидор.

– Не умею таким пользоваться!

– Нашла проблему... Разожгла горелку, накалила подошву, и вперед!

– Боюсь, прожгу вещи, они уже не новые.

– Костюму всего третий десяток, – заявил Сидя, – мне его перед вручением какой-то премии принесли. Уже не пом-

ню, то ли я в Англию тогда ездил, то ли в Германию. Ах да, в Гейдельбергский университет пригласили, мне там звание почетного профессора дали. Научные звания – полнейшая глупость, ума они не добавляют.

– И вы больше не покупали обновок? – спросила я, с опаской разглядывая чугунного монстра.

– Зачем?

– Ну так... – растерялась я. – Нельзя же с одним костюмом жить.

– Почему?

Вопрос поставил меня в тупик. Ответа на него не нашлось.

– Почему? – повторил Исидор Ринг. – У меня от новых штанов ума прибавится? Я лучше с задачами справлюсь? Кстати, брюки есть, целых две пары, и три свитера. Костюм мне только в Академии, на сборища потребен. И что? Погладишь?

– Боюсь, – честно призналась я.

Сидя пожевал нижнюю губу.

– Ну и ладно. Он давно висит, нормально смотрится. Зачем еще утюгом махать, все равно в дороге помнется. Мотя тоже в неглаженном поедет, он утюг разбил.

– Чугунный? – оторопела я. – Как Матвей ухитрился это проделать?

Исидор засмеялся.

– У него кошек семь штук, он их завел, когда его дочь

Галя в Америку на ПМЖ уехала. Вот одна животи́на утюг с подставки и скинула. Так мы едем или нет? Я пойду позову Мотю.

Увидав мою малолитражку, Матвей испуганно воскликнул:

– Я сзади.

– Ну ладно, – неконфликтно согласился Исидор.

– Сидя, может, ты за руль сядешь? – осипшим голосом предложил Матвей. – Девочка пассажиром поедет.

– Нельзя, – живо пресекла я попытку отнять у меня руль.

– Почему? – хором поинтересовались дедушки.

– Страховая компания против, – нашла я подходящий аргумент. – Садитесь, пожалуйста!

– Здесь нет задней дверцы, – заявил Мотя.

– Минуточку, – засуетилась я, – надо отодвинуть переднее кресло... Вот так, полезайте...

Матвей жалобно посмотрел на Исидора.

– Может, как всегда, на метро?

Математик похлопал физика по плечу.

– Нехорошо обижать девочку, она от чистого сердца предложила. Закидывай ногу.

– Она не поднимается.

– Постарайся!

– Не получается!

– Мотя, не кривляйся, – сурово приказал Исидор, – соберись!

– Хорошо, – кивнул старик, он медленно водрузил правую ногу в салон, потянул вверх левую и замер.

– Ну? – занервничал Сидя. – Как?

– Не идет! – пискнул Мотя.

– Кто?

– Нога. Левая, задняя, – уточнил Матвей.

– Покажи мне свои передние ноги, – рассмеялся Исидор, – давай лезь.

– Никак!

– Не капризничай!

– Ей-богу, не получается!

– Хорошо, выходи, сядешь впереди.

– Не получается!

– Вот заладил... Верни ногу на асфальт!

– В спину вступило! Радикулит схватил! Машина очень маленькая!

– Как тебе не стыдно, Мотя? – с чувством произнес Исидор. – Девочка мало зарабатывает, небось еле-еле на горбатый «Запорожец» наскребла, а ты выпендриваешься!

– Это не «Запорожец», – поправила его я и тут же пожалела о своих словах.

– Да ну? А что это за таратайка? – прищурился Исидор.

– В «Чайке» просторней, – вдруг заявил Матвей, избавив меня от необходимости отвечать. – Не забыл, как нас в шестьдесят пятом на прием возили? К американскому послу за наградой фонда имени Пифагора.

– Я глупостей не запоминаю, – отмахнулся Исидор. – Ну так что, Липа, будем с ним делать?

– Меня зовут Лика.

– Лика, толкай Матвея в постамент, а я его за руки дерну, – предложил Исидор. – Ну! Айн, цвай, драй! Тянем, потянем...

– Господи помилуй! – заорал Мотя, но все же очутился на сиденье.

Глава 7

По дороге старики обсуждали какую-то проблему из области то ли математики, то ли физики. Мне показалось, что они общаются на китайском языке, поэтому я перестала вслушиваться в разговор, сосредоточив все внимание на дороге. Вдруг Исидор воскликнул:

– Очки!

– Где они? – удивился Матвей.

– Вернее будет спросить, почему их нет, – ответил друг.

– Где? – повторил Мотя.

– На твоём носу, – уточнил Исидор. – Ты забыл окуляры дома?

– Ах и правда, – спохватился Матвей. – Вот дурак! Подумать только!

– Не ври! – строго сказал Сидя. – Думаю, ты специально их не прихватил.

– Что ты! – фальшиво возмутился Матвей. – Приготовил футляр честь по чести и оставил его в прихожей.

– Ха! У тебя же ужасный минус, который, несмотря на старческую дальноркость, не стал плюсом, – засмеялся математик.

– Зачем употреблять в отношении меня слово «старческий»? – обиделся Матвей. – Я ещё ничего! Вот Михаил Абрамов, тот да! Представляешь, Сидя, он без посторонней по-

мощи в ванну залезть не способен, ноги не поднимаются – ни правая, ни левая.

– Право, Мотя, – засмеялся Исидор, – позволь напомнить, что и твои конечности тебя не слушались, когда ты пытался влезть в машину.

– Чушь! – фыркнул Мотя. – Просто меня радикулит схватил, а он и у младенца появится, если тот посидит на сквозняке. Меня вульгарно продуло!

Сидя кашлянул:

– Во-первых, новорожденные не умеют сидеть, во-вторых, у них не бывает защемления нервных корешков в спине, а в-третьих, Мотя...

– Что? – насторожился физик.

– Ты же не взял очки нарочно! Случайность тут исключена, без стекол ты видишь как тумане. Но в прошлый раз, когда мы ездили в Академию, к тебе подскочила какая-то девчонка и сдуру спросила: «Дедушка, как пройти в местную библиотеку?» Помнится, ты побелел и довольно сердито ответил: «Милая, мне до дедушки еще жить и жить, позвольте проводить вас в храм книг». Что, старый греховодник, задела тебя нимфа за живое? Вот потому-то ты сегодня без очков. Эх, Мотя, желание казаться моложе – первый признак старческого маразма. Надеюсь, ты не собираешься пластическую операцию делать?

– Знаешь, Сидя, – обиженно протянул Матвей, – мы дружим пятьдесят лет, и...

– Шестьдесят три, – поправил Исидор.

– Что? – осекся Матвей.

– Ты неточен в датах. Мы познакомились в год поступления в университет, нам тогда едва исполнилось семнадцать. Если учесть, что зимой мне восемьдесят стукнуло, получается, что нашей дружбе намного больше, чем полвека.

– В общем, я порой удивляюсь, – сказал Матвей, – ну и мысли забредают тебе в голову. Я и думать забыл о той девочке, она мне в правнучки годится. Что же касается очков, то ответ прост: я использую новые капли, и они мне помогли, отлично исправляют зрение.

– Интересно, – кивнул Исидор, – лекарство от близорукости! Глядишь, скоро придумают физкультуру против карие-са. Не глупи и доставай очки.

– Я чудесно вижу окружающий мир, – уперся Мотя.

– Ну-ну... – недоверчиво протянул математик. – И все-таки метода естественных последствий никто не отменял!

– Это что за штука такая? – заинтересовалась я.

Исидор поправил ремень безопасности.

– Сейчас объясню. Например, говорят ребенку: «Вася, не хватай горячий чайник, обожжешься». Твердят сто раз, но Вася даже не слушает. Мать расстраивается, но упорно дудит в одну дуду. А это неверно! Нужно применить метод естественных последствий. Один раз предупредила об опасности, дальше молчи. Ухватится капризник за раскаленную железку и получит урок. Это во всех случаях срабатывает без-

отказно.

– Жестоко, – вдохнула я.

– Зато действительно, – отбрил Исидор. – Детей вредно постоянно сахарным сиропом поливать. В «Домострое» прямо сказано: чтобы ребенок вырос хорошим человеком, он должен научиться понимать значение слова «нельзя» и отличать его от «хочу». Тормози, приехали! Сейчас нашего бравого молодца выкорчевывать из салона будем.

– Я сам выйду, – подал голос Мотя.

И вот уж удивительно – физик действительно весьма ловко выбрался на тротуар. Не успел лучший друг Сиди одернуть пиджак, как с нами поравнялись трое мужчин весьма почтенного возраста. Двое были сухощавыми и в своих строгих костюмах напоминали хорошо зажаренные тосты, а их спутник оказался толстяком, облаченным в пиджак ярко-фиолетовой расцветки. Очевидно, несмотря на немалые годы и корпулентность, этот ученый изо всех сил старался угнаться за модой.

– Добрый день, Матвей, рад встрече, Исидор, – сказал один из «сухарей», искоса поглядывая на меня.

– Семен! – воскликнул Сидя и стал трясти руку коллеге.

– Алла Евгеньевна, – расцвел Мотя, делая шагок в сторону туши в пиджаке цвета спелого баклажана, – замечательно выглядите! Впрочем, как всегда! Мила! Хороша! Пополнела!

«Слонопотам» в растерянности заморгал, Исидор кашля-

нул, Семен с товарищем замерли. А Мотя, не обращая внимания на повисшее молчание, заливался соловьем:

– Аллочка! В вас соединились яркий талант и красота, это огромная редкость! С интересом прочел вашу последнюю статью в журнале. Поражен библиографической подборкой и свежестью взгляда на проблему. А сейчас я в восторге от вашего внешнего вида. Какой костюм! Удивительный цвет! Аллочка, вы наша королева!

Семен и его приятель топтались на месте, как стреноженные кони. Толстяк буркнул нечто невразумительное. Мотя же схватил его за руку, поднес ладонь к губам и выпалил:

– Примите заверения в искренней любви и восторге. Я небольшой охотник делать дамам комплименты и полагаю, что физика не женская наука, но вы, право слово, царица! Верно, Сидя?

Исидор повернулся в мою сторону, вытащил носовой платок и трубно высморкался. Семен с товарищем, забыв попрощаться, резво потрусили к входу в здание. Багровый слонopotам, бубня под нос что-то неразборчивое, последовал за коллегами.

– Я обидел Ерохину? – растерялся Матвей. – Она неправильно меня поняла?

– Нет, – хмыкнул Исидор, – думаю, Алла была бы в восторге, услышь она твое вранье! Кстати, Мотя, говорить даме «вы отлично выглядите, пополнели» нынче не принято. Это в пятидесятые годы прибавление в весе считалось признаком

хорошего самочувствия, сейчас же наоборот.

– Право, я не думал оскорбить Аллочку, – испугался физик, – но она и впрямь такая пышная. Мне нравятся женщины в теле.

– Матвей, – резко одернул друга Сидя, – нежелание носить очки сыграло с тобой дурную шутку. Ты сейчас беседовал не с Ерохиной!

– А с кем? – изумился Матвей.

– Ты осыпал комплиментами Федора Калинина.

– Я восторгался Федькой? – ужаснулся Мотя. – Но он отвратительный субъект! Унижает аспирантов! Говорят, заставляет приехавших из провинции свою квартиру убирать, на даче огород копать. Сидя, признайся, ты шутишь?

– Нет, – сказал Исидор, – я серьезен как никогда. А еще ты ему руку поцеловал!

– Ужасно! – позеленел Мотя. – Я думал, это Алла. Нет-нет, Исидор, ты ошибаешься! Ладно, я лица не разглядел, но фигура-то бабская, вся круглая! И костюм – он же цвета сортовой сирени! Мужчина такой ни за что не наденет.

Исидор взял Матвея под руку.

– Пошли, небось уже все в курсе, что Ромашин у Калинина персты лобзал. Послушай моего совета – не снимай очки! Никогда! Иначе в худшую ситуацию попадешь, охотясь за вечной молодостью.

– Вы долго пробудете на совещании? – стараясь не захотать во весь голос, спросила я.

– До вечера просидим, – задумчиво протянул Сидя.

– У вас же есть мобильный? – на всякий случай уточнила я.

– Да, – кивнул Мотя, – мы не отстаем от прогресса. Кстати, о компьютерах знали, когда ты еще на свет не появилась. Сидя, помнишь машину, которая полинститута занимала?

– Давайте обменяемся номерами, – остановила я поток воспоминаний. – Позвоните мне, и машина будет подана. Только учтите: в городе пробки и у меня не Сивка-бурка, лучше вспомнить о звонке часа за два до финального гонга.

Исидор поправил пиджак, сунул палец за узел галстука и слегка его ослабил.

– Ладно, я готов записать номер.

Матвей тоже вытащил из кармана сотовый.

– Сделают же клавиатуру... – пожаловался он. – Мелкая, неудобная!

– Очки! – безжалостно напомнил Исидор. – Ты без них слепой филин!

Клиника, куда поместили неизвестную мне Пелагею Андреевну, всем своим видом давала понять: она не муниципальное, а частное, очень дорогое заведение.

Дверь открывалась автоматически, от порога к рецепшен вела ковровая дорожка, а пол был из натурального мрамора. К девушке-блондинке, восседавшей за стойкой рецепшен и облаченной в кипенно-белый халат и шапочку, украшенную

красным крестом, я шла под недобрыми взглядами армии секьюрити.

– Я Марина, – нежно пропела красотка. – Чем могу служить?

Я показала блондинке туго набитый пакет.

– В вашей больнице находится мама моей подруги. Приятельница заболела, попросила меня доставить Пелагее Андреевне всякие мелочи.

– Очень хорошо, – защебетала Марина, – у нас свободный график посещений, без ограничений, в десять вечера ворота запираются, но до этого еще далеко. У вас достаточно времени, чтобы выполнить обещание. Лифт за колонной, сейчас дам вам пропуск.

– Понимаете, я забыла номер палаты...

– Ничего, это поправимо, – утешила меня Марина, – все сведения о пациентах внесены в компьютер. Назовите фамилию, и я моментально сообщу этаж и комнату.

– Я ее не знаю!

– Как же так? – удивилась Марина. – Только что вы сказали, что хотите пройти к матери приятельницы. Вы не знаете фамилию вашей подруги?

– Она по мужу Соколова, – залихватски соврала я, – а девичью не знаю.

Марина взяла шариковую ручку, повертела ее наманикюренными пальчиками и посоветовала:

– Позвоните подруге!

– Катю увезли с аппендицитом, она сейчас на операционном столе, – выдала я, не моргнув глазом.

Марина побарабанила ногтями по стойке.

– Сколько лет больной?

– Думаю, за шестьдесят. Ее зовут Пелагея Андреевна. Имя не очень распространенное, может, по нему поищем? – подсказала я.

– Попробуем, – обрадовалась Марина и взяла «мышку». – Вот, вам повезло: в данное время под нашим наблюдением находится лишь одна Пелагея Андреевна – Суворова. Пятый этаж, палата восемнадцать.

– Компьютер – великая вещь! – воскликнула я.

– Согласна, – кивнула Марина.

– Но и опасная!

– Чем же?

– Врачебную тайну трудно сохранить. Любой человек может подойти к нему, потыкать в клавиатуру и выяснить всю информацию о больном.

– Ну что вы, вовсе нет, – засмеялась Марина.

– И тем не менее, – не успокаивалась я, – вы в секунду выяснили фамилию Пелагии Андреевны. Очевидно, так же быстро узнаете, от чего и чем ее лечат.

– Мне доступен лишь список пациентов и номера их палат, – покачала головой блондинка. – Еще могу сообщить вам температуру Пелагеи Андреевны, а все остальное – у врача. У каждого доктора свой пароль, он один имеет доступ

к истории болезни.

– А бухгалтерия? – настаивала я на своем. – С вопросом оплаты как?

– Не вижу повода для беспокойства, – терпеливо сказала Марина. – Расчеты в руках бухгалтера, к ним никому не подобраться.

– Кстати, – я сделала вид, что вдруг вспомнила, – где у вас можно оплатить услуги?

– Второй этаж, – сообщила блондинка. И привычно добавила: – Лифты за колонной.

За дверью с табличкой «Отдел расчета физических лиц» обнаружился маленький, похожий на мышь, дядечка. Увидев меня, он вежливо встал и, широким жестом указав на стул, произнес:

– Присаживайтесь. Меня зовут Сергей. Что у вас? Договорили разовая услуга?

Я незаметно оглядела небольшой кабинет. Удивительно, как сюда втиснули огромной письменный стол, громоздкое офисное кресло и стул для посетителей. Впрочем, на остальные места не хватило, принтер со сканером устроились на подоконнике. И, похоже, Сергей любит цветы – на краю стола стояла ваза с астрами. Вероятно, у него недавно был день рождения. Хотя, вообще-то, мужчинам принято подносить не букеты, а бутылки.

– Чем могу служить? – задал вопрос бухгалтер. И тут я с огромным изумлением увидела на нем... нарукавники. Такой

раритет!

Ну вот скажите, почему некоторые очень полезные вещи начисто исчезли из обихода? Например, калоши. Ведь как удобно ходить в них по мокрым, грязным улицам! Резина сохраняет обувь, а придя в гости, вам не придется влезать в чужие, порой весьма неопрятные тапочки. В первой половине двадцатого века калоши пользовались популярностью. Так куда они подевались нынче? Кстати, сейчас их можно сделать разноцветными, с принтами. Но нет, модельеры начисто забыли про этот аксессуар. А валенки вернулись. Широко разрекламированные, охотно надеваемые модницами «угги», дубленые сапожки на плоской подошве, – видоизмененный вариант русских катанок. Может, скоро мы увидим в магазинах и калоши: черные, с красной подкладкой. Я первая их куплю и забуду о промокающих ботиночках. А нарукавники? Сколько пиджаков и кофточек они сберегли!

Я опомнилась, отмела праздные мысли и сказала Сергею: – В клинике находится мать моей приятельницы. Подругу вчера увезли с приступом аппендицита.

– Сочувствую, – вполне искренне отозвался Сергей.

– Меня попросили узнать, нет ли проблем с оплатой пребывания пожилой дамы. Подруга помнит, что вроде скоро вносить платеж, но из-за аппендицита она разволновалась и забыла дату.

– Договор у вас с собой? – спросил бухгалтер.

– Его следовало взять? – изобразила я идиотку.

– Ну конечно, – улыбнулся Сергей.

– А без него нельзя?

– Никак, – он развел руками.

– Вот беда! – вздохнула я. – Живу в Подмоскowie, несколько часов ехала к вам по пробкам и, получается, зря. Собственно говоря, мне нужно лишь уточнить, когда внести следующий платеж...

Сергей замялся.

– Посмотрите в компьютере, пожалуйста, – запела я. – Суворова Пелагея Андреевна, лежит в восемнадцатой палате на пятом этаже.

– Ну ладно, – сдался бухгалтер.

Я замерла в ожидании. Сергей сосредоточенно уставился в монитор.

– Вот, нашел! – наконец воскликнул он. – Суворова... так, так...

Я подалась вперед, изображая крайнюю заинтересованность, и локтем ловко скинула со стола вазу. Оцените мой талант: стеклянная тара угодила прямо мне на колени.

– Мама! – взвизгнула я.

– О, вы облились! – вскочил Сергей.

– Кому пришла в голову идея поставить на стол цветы? Им место на подоконнике или на шкафу! – возмутилась я. – Нет, какое безобразие! Пришла заплатить деньги, и вот результат! Ну что вы сидите? Быстро принесите полотенце! Да не маленькое, а нормальное, желательно махровое, я попы-

таюсь привести в порядок брюки... Поторопитесь!

Сергей вскочил и бросился в коридор. Я живо обежала стол и уставилась на экран. Ай да Лампа, ай да молодец! Конечно, служебная инструкция предписывает бухгалтеру не разглашать сведений о больных, но мужик в нарукавниках не произнес ни слова, он просто забыл выключить компьютер, открытый в нужном мне месте.

Вовка Костин как-то рассказывал, что для него в первый год службы самым трудным было постоянно помнить: если собрался пойти попить кофе с коллегами или поступил внезапный вызов от начальника – прежде чем уйти, тщательно сложи все бумаги и запири их в сейфе, никогда ничего не оставляй на столе, даже если занимаешь отдельную комнату с зарешеченными окнами. Через двенадцать месяцев у Костина выработался автоматизм, и он перестал думать о секретности. Теперь его руки сами собой все убирают. Проблема вновь возникла, когда у сотрудников милиции появились компьютеры. Вовка по привычке тщательно освобождал столешницу, но забывал выключить комп.

– Прямо беда, – жаловался он мне, – дело уберу в сейф и иду себе куда надо. А вернусь и понимаю: черт побери, комп-то в это время работал. Ну никак не научусь его воспринимать как хранилище документов!

Но в конце концов майор Костин научился, а вот бухгалтер Сергей, похоже, так и не стал бдительным. Правда, последний в милиции не служит и не имеет дела с раскрытием

преступлений. К тому же он и не владеет особыми секретами.

Не обращая внимания на прилипшие к ногам брюки, я подвела курсор к нужному значку и щелкнула «мышкой». Конечно, меня нельзя назвать хакером, я не тяну даже на продвинутого пользователя, но распечатать документ вполне способна. Принтер на подоконнике мерно загудел, из него медленно пополз лист.

– Милый, поторопись! – попросила я. – Надеюсь, ты справишься с работой до возвращения парня в нарукавниках...

Глава 8

Сегодня удача была явно на моей стороне. Когда бухгалтер вернулся в кабинет, я уже сидела на стуле с самым невинным видом.

– Пожалуйста, – Сергей протянул мне широкое полотенце.

Минут пять ушло на попытку слегка высушить джинсы. В конце концов я вздохнула и спросила:

– Ну так что там с оплатой?
– Текущий месяц полностью закрыт, – сообщил Сергей.
– Значит, надо приехать в конце сентября?
– Да. Лучше числа двадцать третьего, если врач решит оставить больную. Сначала побеседуйте с доктором, а уж потом к нам.

– Спасибо, – кивнула я и встала, – вы меня успокоили.
– Не забудьте в следующий раз захватить договор, – напомнил Сергей.
– Непременно.
– Извините, что так вышло с вазой, – еще раз извинился хозяин кабинета.
– Пустяки, – милостиво сказала я и ушла.

Клиника производила странное впечатление. Если кто-то возвел многоэтажное здание, значит, он рассчитывал на большой поток больных, и, наверное, они находятся в этих

стенах в немалом количестве, но мне не встретился ни один человек ни в лифте, ни в отделении, куда я поднялась напрямую из финансовой части. Зато на посту сидели две медсестры.

– Девочки, где восемнадцатая палата? – спросила я.

– Последняя по коридору, – тут же ответила одна.

– А зачем она вам? – поинтересовалась другая.

Я продемонстрировала пакет, который уже показала при входе.

– Хочу навестить Пелагею Андреевну Суворову.

Девушки переглянулись.

– С какой целью? – спросила первая.

Я прищурилась, прочитала имя на бейджике, прикрепленном к голубому халатику, и изобразила удивление:

– Принесла сок, фрукты, шоколад. А почему вы интересуетесь, Неля?

Медсестра встала.

– Навряд ли Суворовой понадобится ваша передача.

– Ей так плохо?

– Острое нарушение мозгового кровообращения.

– Инсульт?

– Можно и так сказать, – подтвердила Неля.

– Вот беда! – искренне воскликнула я. – А поговорить с ней можно?

– У Суворовой потеря речи, – пояснила Неля.

– Это навсегда? – расстроилась я. – Пелагея Андреевна

ничего сказать не способна?

Вторая медсестра покачала головой, а Неля, укоризненно посмотрев на коллегу, оптимистично заявила:

– И не таких выхаживают, надежда всегда есть.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Мы ничем вам не помогли, – профессионально вежливо улыбнулась Неля.

– Можно у вас туалетом воспользоваться? – попросила я. – Назад долго ехать, непременно застряну в пробке.

– Да, конечно, вот дверь, – вторая медсестра указала на белую створку, расположенную напротив.

Я вошла в санузел и восхитилась его чистотой. Унитаз белее снега, на раковине ни малейшего намека на пятнышко, бумага наивысшего качества, а на полочке лежат необходимые мелочи, которыми можно бесплатно воспользоваться. Сейчас помою руки, причешусь и продолжу разговор с девушками...

– Палата восемнадцать где? – прогрехотал из коридора грубый баритон.

Я вздрогнула.

– Последняя по коридору, – слышался голос Нели. – А вам зачем?

– А че? Нельзя? – возмутился посетитель.

Я осторожно приоткрыла дверь и заглянула в образовавшуюся щель. Здоровенный, неопрятно одетый мужчина стоял около поста медсестер.

– Какое тебе дело, за фигом я иду? – возмутился он.
– Здесь больница, – торжественно заявила Неля.
– Вижу, что не бильярдная, – посетитель не полез за словом в карман. – Почему к мамке не пускаете? Охренели? Во, несу ей сок и яблоки!

Неля заморгала, потом с изумлением спросила:

– Вы поместили к нам свою мать?
– А че? Нельзя?
– Конечно, можно, – опомнилась медсестра.
– Вот я и двигаю к мамашке.
– Стойте! – повысила голос Неля.
– Чего еще?
– В восемнадцатую палату вход воспрещен.
– Этта почему?
– Больная в тяжелом состоянии.
– И че? Я сочку припер, яблочки. Угощу маманьку и уйду, – мужик неожиданно мирно отреагировал на сообщение девушки. – Надолго не останусь! Делов полно!

– Пелагея Андреевна не может принимать пищу, – вмешалась в разговор другая медсестра. – Вам лучше уйти.

Мужик чихнул, потом навалился грудью на стойку.

– Слышь, девчонки, тут такая штука... – проникновенно заговорил он. – У мамыши дом есть, собственный, кирпичный, двести метров. Если она помрет без завещания, фазенду нам с сеструхой придется делить пополам, а подпишет маманька бумагу, я один буду владельцем. У сестры жизнь и

так шоколадная, ей муж брюлики покупает, а я без работы! Вот, держите конфеты, специально на последние деньги купил вам чаю попить...

– Спасибо, у нас от сладкого диабет скоро начнется, – язвительно отреагировала вторая медсестра. – И правила запрещают от родственников даже крошку принимать.

– Как вам не стыдно! – возмутилась более непосредственная Неля. – Мать на пороге смерти, а вы думаете о завещании!

– Ну, девки, сжальтесь! – гаркнул мужик. – Мне на пять минут! Только расскажу мамашке о своей горькой жизни!

– Уходите, или я позову охрану, – сурово заявила коллега Нели.

– Жалко тебе, да? Нравится власть над людьми показывать, да? Охота себя начальницей почувствовать? – заныл «сыночек».

– Даже если увидите Суворову, ничего от нее не добьетесь, – попыталась урезонить нахала Неля.

– Этта почему? Мамашка добрая, она поймет, что сеструхе ни фиги не надо!

– Суворова не воспринимает действительность, – объяснила ситуацию Неля, – она не говорит и не способна к самостоятельному принятию решений.

– Типа немая? – растерялся посетитель.

– Да, – хором ответили медсестры.

– Ваше молчит?

– Верно, – кивнула Неля.

– И совсем без ума? – не успокаивался «сыночек».

– На данном этапе Суворова нездорова, – ловко ушла от конкретного ответа вторая медсестра.

– Поглядеть можно? – занервничал посетитель.

– Зачем? – удивилась Неля.

– Ну, блин, сказанула! – снова возмутился посетитель. – Она ж мне мать! Единственная родная мамонька! Я за нее жизнь отдам!

– Пойдемте, – вздохнула Неля.

Я подождала, пока они скроются в коридоре, быстро выскочила из туалета, спустилась на первый этаж, села на диванчик, вытащила из сумки журнал и стала изображать из себя посетительницу. Не прошло и десяти минут, как тот самый мужик в неопрятной одежде вышел из лифта и, не глядя по сторонам, поспешил на улицу. Я поторопилась за ним в надежде, что человек, подославший полубомжа в больницу, находится неподалеку, скорее всего, сидит в одной из бесчисленных машин, припаркованных у тротуара. Отчего мне пришло в голову, что «сыночек» не настоящий? Ну это просто! Клиника доктора Сейфуллина платная, очень дорогая. Пьянице и маргиналу она точно не по карману.

Мужик спокойно шел вперед, явно не думая о слежке, а я, на всякий случай стараясь не привлекать к себе внимания, кралась сзади. Наконец он остановился около черного «Мерседеса» и постучал костяшками пальцев в окно водите-

ля. Приоткрылась небольшая щель. «Сыночек» наклонился, а я занервничала: лица шофера не видно, слов не слышно. Надо подойти поближе, а еще лучше пройти чуть вперед и обернуться, вот тогда через лобовое стекло я разгляжу владельца иномарки...

Я быстро прошла по тротуару вперед, заметила газетный киоск, зарулила за него, высунулась – и увидела «мерс», стартующий с места. Не успела я охнуть, как автомобиль влился в поток машин. Человек за рулем остался инкогнито, мне удалось лишь заметить часть номера: две цифры – «3» и «0», столько же букв – «Е» и «С», а еще наклейку на стекле «Мой зад стоит денег».

Страшно недовольная собой, я огляделась по сторонам, но «сыночек» словно сквозь землю провалился. В паре шагов от меня зиял вход в метро, чуть поодаль теснилось стадо маршрутных такси и тянулись нескончаемые ряды ларьков с шаурмой, пирогами, блинами и прочим фастфудом.

Мне пришлось возвращаться к своей машине несолоно хлебавши. Я вошла в салон, завела мотор и, ожидая, пока кондиционер чуть-чуть охладит воздух, вынула из сумки листок, добытый из принтера в кабинете бухгалтера. На нем значилось: «Суворова Пелагея Андреевна, год рождения – 1937. Место проживания – Московская область, Истринский район, деревня Опушково. Сумма – сто тысяч рублей. Телефон – 777-77-79».

Цифры отчего-то показались мне знакомыми. Недолго ду-

мая, я вытащила мобильный и набрала номер. Раздался один короткий гудок, щелчок, потом бойкий девичий голос зачастил: «Здравствуйте, вы позвонили в единую справочную систему...»

Я моментально нажала на красную клавишу. Ну конечно! Я попала в один из крупных сетевых супермаркетов. Не так давно я туда звонила, хотела узнать, может ли их служба доставки привозить в Мопсино продукты. Однако интересный номерок для связи оставил человек, который поместил старуху в больницу!

Погрузившись в размышления, я оперлась на руль. Вопреки моим ожиданиям в бухгалтерии не оказалось сведений о том, кто платил деньги, зато был указан адрес самой Пелагеи Андреевны. Наверное, клинику не интересует личность, так сказать, спонсора, главное, что сумма внесена полностью. Запас времени у меня есть, значит, надо ехать в деревню с пасторальным названием Опушково и там попытаться найти родных Пелагеи Андреевны. Старушке перевалило за семьдесят, вряд ли она жила одна. Скорее всего, я наткнусь там на ту самую таинственную ночную гостью Брыкина.

Опушково делилось дорогой на две части. Я притормозила у местного магазинчика, вошла внутрь и спросила у продавщицы, самозабвенно читавшей растрепанный томик Татьяны Устиновой:

– Не скажете, где дом Суворовой?

Тетка положила книгу на прилавок.

– Кого?

– Суворовой Пелагеи Андреевны, – уточнила я.

Баба нахмурилась, потом заорала:

– Таньк!

Из подсобки высунулась рыжеволосая девушка.

– Чего, тетя Катя?

– Кто у нас Суворова?

Татьяна удивленно выпятила губу.

– Разве есть такая?

– Вот и я о том же, – пожала плечами Катерина и посмотрела на меня. – Не слыхала я эту фамилию, а живу в Опушкове всю жизнь.

– Никаких Суворовых тут нет, – подхватила Таня.

– Не может быть! – растерялась я. – Старуха семидесяти с лишним лет. У нее не так давно инсульт случился, в больницу ее увезли.

– Слышь, теть Кать, – оживилась Татьяна, – а не та ли это пенсионерка, что у Майки дом сняла?

– Точно! – хлопнула себя по лбу Катерина. – Шебутная бабушка, прямо коза!

– Обвесится бусами, – захихикала Таня, – губной помадой намажется – яркой, вырви-глаз! – и ну по деревне гулять. Один раз Гришка Малой ее чуть было на своем трейлере не сшиб. Он тогда пошел к Майке и вломил ей по первое число. И правильно, нанялась за деньги за бабкой приглядывать,

так смотри! Вот сбил бы старуху – и каюк!

– Бабку жаль, – отрезала Катерина, – но Гришу жальче. У него пятеро детей, куда их девать, если отца на зону за наезд упекут!

– Майка вообще безответственная, – возмущенно сказала Татьяна. – Она у нас в тетрадке записана – в долгах по маковку! Ты, тетя Катя, слишком добрая. Если она не заплатит, кому расход нести? Зачем ей хорошие консервы отпускаешь? В понедельник ты Майе лосося дала, а ей деликатесная рыба не по карману!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.